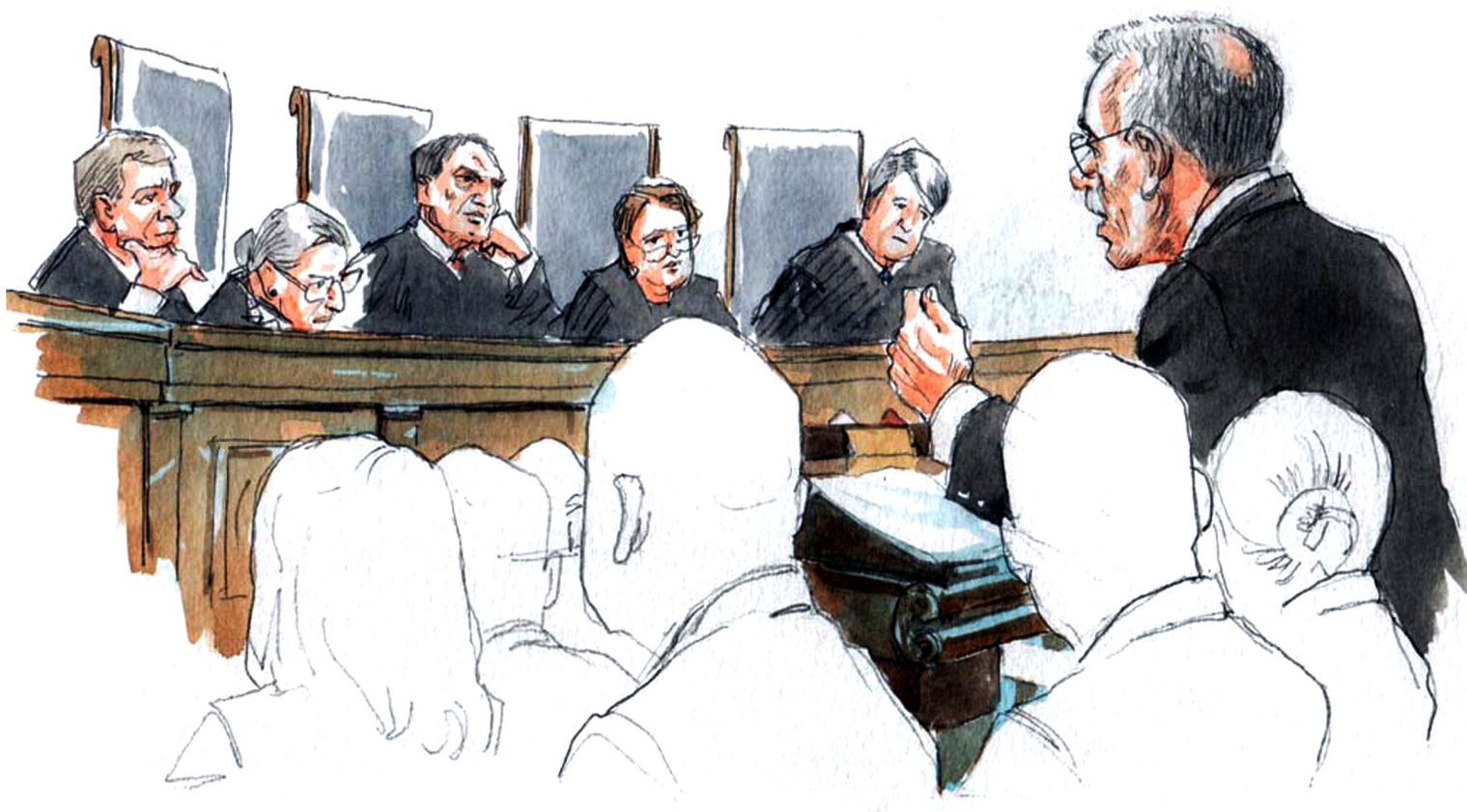

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ
Вестник
международный научный журнал

5
2020

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 5 (19) / 2020

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребзов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Багаева С.А. Особенности административно-правового регулирования семейно-бытовых отношений в Республике Казахстан	1
---	---

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Денисов А.В. Сертификат о происхождении товара как основание предоставления тарифных преференций: арбитражная практика	3
--	---

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Гузеева А.О. Проблемы применения принципа эстоппель в гражданском праве РФ	5
--	---

Третьякова С.А. Основания и условия гражданско-правовой ответственности лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица	7
--	---

Шалкина Е.А. Последствия самовольного переустройства и перепланировки жилого помещения	10
--	----

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ, ЗЕМЕЛЬНОЕ, ЛЕСНОЕ, ВОДНОЕ И ВОЗДУХООХРАННОЕ ПРАВО

Башаева И.Ю. Некоторые проблемы, связанные с правовым регулированием зон с особыми условиями использования территорий	13
---	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Панфилова Е.А. Актуальные проблемы осуществления полномочий прокурором по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением	17
---	----

Рожина С.В. Посредничество во взяточничестве: основные проблемы	18
---	----

Суслопаров И.А., Кучева А.С. Психологическое и физическое воздействие на спортсмена в рамках статей 230.1 и 230.2 УК РФ	20
---	----

КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

Селивёрстова А.Е. Серийные убийства в истории уголовного правоприменения.	24
Ушаков С.И. Судебная баллистика: задачи, объект и предмет исследования.	26
Ушаков С.И. Предъявление для опознания живых лиц в системе криминалистической тактики.	27

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Особенности административно-правового регулирования семейно-бытовых отношений в Республике Казахстан

Багаева Сабина Анатольевна, студент магистратуры

Академия правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан (г. Нур-Султан)

В основе административно-правового регулирования лежит воздействие государственных органов на общественные отношения и принимаемые ими комплекс юридических средств административно-правового характера, итогом которых является административно-правовой порядок. [1]

Сфера семейнобытовых отношений относится к частной жизни гражданина, в которой переплетаются частные, личные интересы, так как под семейно-бытовыми отношениями понимаются отношения между супругами, бывшими супругами, лицами, проживающими или проживавшими совместно, близкими родственниками, лицами, имеющими общего ребенка (детей), но, как только в данной сфере происходят конфликты, причиняются телесные повреждения, психические страдания, сфера семейно-бытовых отношений начинает переплетаться и с государственными интересами, и данная сфера становится публичной, поскольку уполномоченным органам необходимо в рамках их компетенции принять меры, возложенные на них государством для защиты жизни и здоровья, прав и свобод участников конфликта.

Оздоровление социальной среды и предупреждение правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, занимает одно из ведущих мест в системе основополагающих целей государственной политики Казахстана.

Одной из самых острых и распространенных социальных проблем является бытовое насилие.

Под бытовым насилием, понимается, согласно пункту 4 статье 1 Закона Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия» от 04 декабря 2009 года «умышленное противоправное деяние (действие или бездействие) одного лица в сфере семейно-бытовых отношений в отношении другого (других), причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания» [2].

Бытовое насилие нарушает такие права человека, как: право каждого на равную защиту перед законом, право не подвергаться жестокому обращению; право на жизнь и физическую неприкосновенность; право на наивысшие стандарты физического и психического здоровья.

По своей природе бытовое насилие имеет разновидности, и подразделяются на физическое насилие, сексуальное насилие, психологическое насилие, экономическое насилие.

1. Физическое насилие — умышленное причинение вреда здоровью путем применения физической силы и причинения физической боли.

2. Сексуальное насилие — умышленное противоправное действие, посягающее на половую неприкосновенность или половую свободу человека, а также действия сексуального характера по отношению к несовершеннолетним.

3. Психологическое насилие — умышленное воздействие на психику человека, унижение чести и достоинства посредством угроз, оскорблений, шантажа или принуждение (понууждение) к совершению правонарушений или деяний, представляющих опасность для жизни или здоровья, а также ведущих к нарушению психического, физического и личностного развития.

4. Экономическое насилие — умышленное лишение человека жилья, пищи, одежды, имущества, средств, на которые он имеет предусмотренное законом право.

В целях защиты потерпевших от бытового насилия, органы внутренних дел осуществляют профилактику бытового насилия, которая включает в себя комплекс правовых мер, направленных на защиту конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в сфере семейно-бытовых отношений, предупреждение и пресечение бытового насилия, а также на выявление и устранение причин и условий, способствующих их совершению.

Так, сотрудники органов внутренних дел наделены правом, применять меры индивидуальной профилактики бытового насилия такие как:

1. Профилактическая беседа — проводится субъектом профилактики бытового насилия с лицом, совершившим бытовое насилие. Основными задачами профилактической беседы являются выявление причин и условий совершения бытового насилия, разъяснение социальных и правовых последствий бытового насилия и убеждение в необходимости законопослушного поведения.

2. Защитное предписание — выносится начальником местной полицейской службы органов внутренних дел, либо его заместителем, участковым инспектором полиции либо участковым инспектором полиции по делам несовершеннолетних в отношении вменяемого лица, достигшего на момент его вынесения шестнадцатилетнего возраста. Защитным предписанием запрещается совершать бытовое насилие, вопреки воле потерпевшего разыскивать, преследовать, посещать, вести устные, телефонные переговоры и вступать с ним в контакты иными способами, включая несовершеннолетних и (или) недееспособных членов его семьи. Лицо, в отношении которого вынесено защитное предписание, органами внутренних дел ставится на профилактический учет и за ним осуществляется профилактический контроль. Срок действия защитного предписания составляет тридцать суток с момента его вручения лицу, в отношении которого оно вынесено. Периодичность проверки составляет не менее одного раза в семь календарных дней.

3. Административное задержание — заключается во временном лишении свободы действия и передвижения с принудительным содержанием в специальном помещении лица, совершившего бытовое насилие.

На наш взгляд, субъекты профилактики бытового насилия находятся в тесной взаимосвязи с судами, поскольку наиболее эффективно устанавливать пределы допустимого поведения в семье и пресечений дальнейшего насилия в семье, осуществляется в судебном порядке, в свою очередь эффективность правосудия зависит от органов, которыми осуществляется профилактика бытового насилия.

Так, по ходатайству органов полиции, а также и по собственной инициативе или по ходатайству других участников производства по делу об административном правонарушении в целях правовой защиты от бытового насилия специализированные межрайонные административные суды отправляя правосудие, могут установить особые требования к поведению правонарушителя, которые применяются наряду с наложением административного взыскания (административного взыскание — является мерой государственного принуждения, применяемой судьей за совершение административного правонарушения и применяется в целях восстановления социальной справедливости и воспитания

лица, совершившего правонарушение, в духе соблюдения требований законодательства и уважения правопорядка, а также предупреждения совершения новых правонарушений, как самим правонарушителем, так и другими лицами), так и вместо него при освобождении лица, совершившего административное правонарушение, от административной ответственности.

При установлении особых требований суд, руководствуясь статьей 54 КРКоАП устанавливает запреты следующего характера вопреки воле потерпевшего разыскивать, преследовать, посещать потерпевшего, вести устные, телефонные переговоры и вступать с ним в контакты иными способами, включая несовершеннолетних и (или) недееспособных членов его семьи; приобретать, хранить, носить и использовать огнестрельное и другие виды оружия; несовершеннолетним посещать определенные места, выезжать в другие местности без разрешения комиссии по защите прав несовершеннолетних; употреблять алкогольные напитки, наркотические средства, психотропные вещества [3].

Кроме того, как отметила судья СМАС города Нур-Султан А. Кайдарова, что в рамках проекта «Семейный суд», «если агрессор не работает, целыми днями сидит дома, злоупотребляет спиртными напитками — мы его отправляем в Центр наркологии, где он бесплатно проходит консультацию врача нарколога, психотерапевта, Центр занятости, где ему предложат работу, отправляем в Союз отцов, где с ним могут поработать уважаемые люди, отцы семейств больших» [4].

В течение срока действия особых требований к поведению правонарушителя на него могут быть возложены обязанности являться в органы внутренних дел для профилактической беседы от одного до четырех раз в месяц.

Таким образом, если раньше считалось, что государство ответственно лишь за деятельность своих органов власти (например, за соблюдение прав заключенных), но не за действия частных лиц, и тем более в семье, то сегодня применим принцип соучастия: систематическое предотвращение или пресечение государством нарушений прав человека, в том числе в частной сфере. Утверждение этой тенденции возлагает на государство ответственность не только перед собственными гражданами, но и перед международным сообществом и правом.

Литература:

1. Административно-правовое регулирование: понятие, юридические средства, метод, режим // https://studme.org/162804148056/pravo/administrativnopravovoe_regulirovanie_ponyatie_yuridicheskie_sredstva_metod_rezhim.
2. Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 года № 214-IV «О профилактике бытового насилия» // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000214>.
3. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235>.
4. Названа одна из главных причин разводов в Казахстане // <https://www.zakon.kz/5007430-nazvana-odna-iz-glavnyh-prichin.html>.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Сертификат о происхождении товара как основание предоставления тарифных преференций: арбитражная практика

Денисов Андрей Владимирович, студент магистратуры
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В статье автор рассматривает арбитражную практику российских судов по вопросу признания сертификатов о происхождении товара несоответствующими требованиям законодательства.

Ключевые слова: сертификат о происхождении товара, таможенные льготы, тарифные преференции, страна происхождения товара, ЕАЭС, арбитражная практика.

Одним из видов льгот по уплате таможенных платежей являются тарифные преференции. Под тарифными преференциями, согласно Закону РФ «О таможенном тарифе», понимается «освобождение от уплаты ввозных таможенных пошлин в отношении товаров, происходящих из стран, образующих вместе с Российской Федерацией зону свободной торговли либо подписавших соглашения, имеющие целью создание такой зоны, или снижение ставок ввозных таможенных пошлин в отношении товаров, происходящих из развивающихся или наименее развитых стран, пользующихся единой системой тарифных преференций Таможенного союза» [1].

Несмотря на то, что тарифные преференции являются одним из видов льгот по уплате таможенных платежей, они имеют важное отличие в сравнении с другими льготами: основным критерием предоставления тарифных преференций является страна происхождения товара.

В соответствии с законодательством Евразийского экономического союза, тарифные преференции установлены в отношении товаров, входящих в специальный перечень, происходящих из развивающихся государств (Албания, Бахрейн, Кувейт и др.) и наименее развитых государств (Республика Ангола, Буркина Фасо, Гаити и др.).

Для получения тарифных преференций необходимо выполнение нескольких условий: ввозимый товар должен входить в соответствующий перечень товаров, ввоз которых предусматривает преференции, а также данный товар должен происходить из развивающихся или наименее развитых стран, включенных в соответствующий перечень.

При этом происхождение товара должно быть подтверждено сертификатом о происхождении товара. «Сертификат о происхождении товара — документ определенной формы, свидетельствующий о происхождении товара и выданный уполномоченным государственным органом или уполномоченной организацией страны про-

исхождения товара или в случаях, установленных правилами определения происхождения ввозимых товаров или правилами определения происхождения вывозимых товаров, — страны вывоза товара» [2].

Законодательством предусмотрены строгие требования к оформлению и содержанию сертификатов о происхождении товаров, отклонение от которых может привести к отказу таможенных органов в предоставлении тарифных преференций.

Однако нормативные акты не содержат конкретных критериев, на основании которых таможенные органы вправе признать сертификат несоответствующим установленной форме, в связи с чем, на практике нередко возникают споры в связи с несогласием потенциального получателя тарифной преференции с решением таможенного органа в отказе в их предоставлении.

Предлагаю рассмотреть арбитражную практику российских судов по рассмотрению данной категории споров.

Так, из дела № А56–78410/2016 следует, что организации было отказано в применении тарифных преференций на ввозимый товар на основании того, что подпись в одной из граф сертификата является оттиском, нанесенным при помощи печатной формы — факсимиле, что не соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению сертификатов.

Решение таможенного органа было обжаловано в суде. Арбитражный суд с таможенным органом не согласился, указав что «для признания сертификата недействительным таможенный орган осуществляет действия по проверке подлинности сертификата и правильности заявления декларантом страны происхождения товара. Выявленный таможенным органом формальный недостаток сертификата, при наличии совокупности иных представленных в дело доказательств, не может являться безусловным основанием для отказа в предоставлении тарифной преференции» [3].

В деле № А56–85653/2017 было оспорено решение таможенного органа об отказе в предоставлении тарифных преференций в связи с различием оттисков печати, расположенной в одной из граф сертификата о происхождении товара, с соответствующим образцом оттиска печати, имеющимся в картотеке таможенного органа.

Решение таможенного органа было отменено. При этом судом отмечено, что «целью таможенного контроля является установление страны происхождения товара, так как основанием для предоставления тарифных преференций выступает факт происхождения товара из страны, входящей в перечень стран-пользователей системой преференций. Выявленное таможенным органом несоответствие при наличии совокупности иных представленных в дело доказательств, не может являться безусловным основанием для отказа в предоставлении тарифных преференций» [4].

В деле № А45–23681/2015 таможенный орган отказал в предоставлении тарифных преференций по причине отсутствия наименования городов в сертификате (наименования и адрес экспортера — поставщика).

В рассматриваемом деле суд также не согласился с решением таможенного органа об отказе в предоставлении таможенных преференций, указав, что «принятие таможенным органом решения об отказе в рассмотрении сертификата в качестве основания для предоставления тарифных преференций возможно только при наличии таких нарушений в оформлении и заполнении сертификата о происхождении товара, которые не позволяют однозначно определить страну происхождения товара» [5].

Проанализировав судебную практику, мы видим, что несмотря на строгие требования к оформлению и содержанию сертификатов о происхождении товара, формальные несоответствия сертификата (нечеткий оттиск печати, отсутствие некоторой информации и пр.) не могут служить правомерным основанием для отказа в предоставлении преференций, если при этом по сертификату можно однозначно определить из какого государства происходит товар.

Цель контроля на соответствие сертификатов — установление страны происхождения товара, как основания для применения преференций, а не формально соответствие сертификата установленным требованиям.

Литература:

1. Закон РФ от 21.05.1993 № 5003–1 «О таможенном тарифе» // Российская газета, № 107, 05.06.1993.
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>.
3. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.11.2017 № Ф07–11904/2017 по делу № А56–78410/2016 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
4. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.11.2018 № Ф07–13566/2018 по делу № А56–85653/2017 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
5. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23.11.2016 № Ф04–5278/2016 по делу № А45–23681/2015 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Проблемы применения принципа эстоппель в гражданском праве РФ

Гузеева Анна Олеговна, студент
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

*В статье рассматривается новый для российского права институт — принцип эстоппель. Данное правило запрещает непоследовательное и противоречивое поведение стороны гражданских правоотношений, которое причиняет ущерб другой стороне. Автор анализируется судебная практика применения принципа эстоппель в спорах о защите прав потребителей, рассматривается возможность и применимость данного принципа против потребителей. **Ключевые слова:** эстоппель, сделка, недействительная сделка, добросовестность, противоречивое поведение, потребительский экстремизм.*

Для повышения уровня предсказуемости и стабильности поведения участников гражданских правоотношений в 2013 году Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [2], а в последствии и ФЗ от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [3] законодателем были внесены изменения в Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ [1] (Далее ГК РФ), дополнившие законодательство нормами, запрещающими непоследовательное и противоречивое поведение сторон гражданских правоотношений. Данные нормы закрепили новое для российского законодательства, но не для судебной практики правило, носившее название в странах англосаксонского права — принцип эстоппель. Это правило и раньше имело место быть в судебных актах, но впоследствии закрепились и на законодательном уровне, а также стало целой доктриной и правовым принципом гражданского права.

Стоит отметить, что принцип эстоппель на данный момент широко используется, предотвращая недобросовестное поведение контрагентов, в связи с чем нельзя недооценивать его полезность и эффективность в борьбе с противоречивым поведением участников гражданских правоотношений. При этом, многие специалисты — правоведы высказывались по поводу того, что на данный момент в российском праве нет четкого и полного законодательного регулирования этого принципа, в гражданском кодексе РФ отсутствует общее универсальное правило, которое охватывало бы все возможные варианты противоречивого поведения участников гражданских правоотношений. По мнению правоведов это вызывает сложные теоретические проблемы, связанные с определением понятия эстоппель, выявления его критерий, осно-

ваний установления и правовой природы. Так, Роор К.А. делает вывод, что для решения проблемы имплементации норм об эстоппеле в российскую правовую систему необходимо формулировать в ГК РФ универсального правила, запрещающего переменчивое и уклончивое поведение. [8] Такую же точку зрения высказывал и Богданов, Д. Е, который сделал вывод о необходимости включения в ГК РФ правила, содержащего общий запрет на поведение, противоречащее предшествующим действиям или заявлениям. [7]

Но стоит отметить, что эстоппель это частый случай проявления другого принципа гражданского права — принципа добросовестности, то есть запрета осуществления гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действуя в обход закона с противоправной целью. Оба этих принципа имеют одну цель — это недопущение злоупотребление правом, когда лицо не нарушило норму права, но действовало с целью причинить вред другой стороне. Таким образом, представляется правильным, что норма, закрепляющая данный принцип, исходит из статьи 10 ГК РФ, следовательно, можно предположить, что это и есть универсальное закрепление принципа эстоппель. В связи с этим определение понятия «эстоппель», а также его критериев может существовать исключительно в доктрине, не перегружая при этом законодательство лишними терминами.

Весьма спорным и противоречивым, на наш взгляд, является применение принципа эстоппель в спорах о защите прав потребителей. Так, например, Санкт-Петербургским городским судом была рассмотрена апелляционная жалоба о признании недействительного договора потребительского кредита. Истец ссылался на то, что услуга подключения к программе добровольного страхования защиты заёмщиков была навязана под условием, что будет отказано в выдаче потребитель-

ского кредита. Тем не менее, суды двух инстанции отказали в удовлетворении требования. Апелляционная инстанция в своем определении сослалась на принцип эстоппель, указав, что свое согласие на заключение договора страхования истец выразил, собственноручно подписав заявление на включение в программу добровольного страхования. Суд установил, что данные действия осуществлены по его добровольному волеизъявлению, страховая премия удержана из суммы кредита и перечислена банком в страховую компанию по поручению истца. [5]

В другом деле Истец также обратился в суд с иском о признании недействительным и исключении из кредитного договора пунктов, содержащих добровольное страхование заемщика. Потребитель ссылаясь на то, что в данном случае имеет место навязывание страховых услуг и ущемление его прав как заемщика. Оценив обстоятельства дела, суд первой инстанции в своем решении установил, что Истец имел право выбора, однако самостоятельно реализовал его путем согласия на программу страхования. По мнению суда, в документах банка не содержится положений об обязанности клиента подключиться к программе добровольного страхования, а также положений о наличии у банка права или обязанности отказать клиенту в предоставлении кредита в случае его отказа от подключения к программе страхования. Сославшись в том числе на статью 166 ГК РФ пункт 5 Гражданского кодекса РФ суд отказ в удовлетворении указанных требований. [6]

Может ли быть применен принцип эстоппель в таких случаях против потребителей? С одной стороны, законодатель и судебная практика должны идти по пути защиты более слабой стороны гражданских правоотношений. Как известно, у потребителей отсутствуют необходимые навыки и умения, они не являются профессионалами в данных правоотношениях в отличие от предпринимателей. Потребители обращаются за предоставлением нужных товаров, работ и услуг, в свою очередь, предприниматели должны содействовать им в получении необходимой информации, в соответствии с законодательством РФ. [4] Таким образом, «профессиональные» участники обязаны своевременно предоставлять потребителю всю необходимую информацию об услугах, а также обеспечить возможность их правильного выбора. Тем не менее, весьма часто «сильная» сторона нарушает свои обязанности, ведет себя тем самым недобросовестно. Не стоит забывать и то, что интересы предпринимателя всегда защищены профессионалами, которые обладают большими знаниями, умениями выступать в переговорах

с потребителями, в том числе способностью повлиять на их выбор. Множество случаев судебной практики показывают, как «профессиональные» участники рынка могут злоупотреблять своими правами, наиболее встречающийся из них — навязывание невыгодных условий договора. В таких случаях потребителю не остается иного выбора как принять такие условия, чтобы удовлетворить свои личные потребности. Следовательно, при явном неравенстве экономических возможностей контрагентов, принцип эстоппель не должен применяться, даже несмотря на то, что сомнений в действительности договора нет. Кроме того, не должны идти в расчет и те обстоятельства, что потребитель согласился со всеми условиями договора, подписав его.

С другой стороны, напротив, поведение всех участников гражданских правоотношений должно быть добросовестным, потребитель является полноценным участником таких правоотношений и нельзя давать зеленый свет так называемым «потребительским экстремистам». Данное понятие довольно часто используется в литературе и означает такое поведение, целью которого является получение выгоды, злоупотребляя при этом законодательством о защите прав потребителей. Таким образом, запрет полностью применять какие-либо ограничения против «слабой» стороны может повлечь глобальное злоупотребление правом со стороны потребителей, которые при каждом удобном случае будут подавать иски о защите своих прав.

Между тем, есть вероятность и положительного влияния данного запрета на применение принципа эстоппель к отношениям о защите прав потребителей. Так, возможно, это давало бы стимул «сильной» стороне правоотношений реализовывать свою предпринимательскую деятельность честно, добросовестно, в строгом соответствии с законом и с учетом интересов потребителей. Это искоренило бы даже малейшую возможность «слабой» стороны злоупотреблять своими правами и в целом положительно сказалось на экономике страны.

Таким образом, правило эстоппель весьма полезный и эффективный инструмент недопущения злоупотребления правом со стороны контрагентов в гражданских правоотношениях. При этом, вопрос о его применении к отношениям о защите прав потребителей является спорным, необходимо соблюдать баланс интересов сторон, не ставить потребителя в такое положение, которое бы ущемляло его права. Законодателю необходимо найти механизм, чтобы защищать более слабую сторону экономических отношений — потребителя, и при этом не допустить злоупотребления правом с его стороны.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301;
2. Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 08.05.2013;

3. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 09.03.2015;
4. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 18.07.2019) «О защите прав потребителей» // «Собрание законодательства РФ», 15.01.1996, N 3, ст. 140;
5. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 07.06.2018 N 33-11278/2018 по делу N 2-856/2018 [Электронный ресурс] // База судебных актов «СудАкт»: <http://sudact.ru/>
6. Решение Ленинского районного суда г. Саратова Саратовской области от 11 января 2019 г. по делу N 2-255/2019 [Электронный ресурс] // База судебных актов «СудАкт»: <http://sudact.ru/>
7. Богданов Д. Е. Новеллы Гражданского кодекса РФ с позиции концепции добросовестной последовательности в действиях и заявлениях // Законодательство и экономика. — 2016. — № 2. — С. 46.
8. Роор К. А. Понятие и сущность эстоппеля // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 7. — С.92.

Основания и условия гражданско-правовой ответственности лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица

Третьякова Светлана Алексеевна, студент магистратуры
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

В статье рассматриваются основания, которые используются судами для того, чтобы взыскать убытки с лица, осуществляющего контроль над действиями юридического лица. Автор на основе анализа судебной практики приходит к выводам, что такие факты, как наличие статуса лица, которое может определять действия организации, наступление негативных последствий в виде невозможности полного погашения требований кредиторов; причинно-следственная связь действия (или бездействия) лица, контролирующего должника с негативными последствиями являются основными обстоятельствами, требующими доказывания в суде.

Ключевые слова: ответственность, банкротство, контролирующее лицо, убытки, неразумность, недобросовестность.

Наличие механизма привлечения к ответственности лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица, имеет большое значение в корпоративном праве. Ведь в противном случае может сложиться ситуация, когда лицо своими преднамеренными деяниями (действиями или бездействием) будет причинять имущественный вред корпоративному юридическому лицу, преследуя свои личные корыстные интересы. Особенно актуальна данная проблема, когда речь идет о причинении вреда так называемым менеджментом корпорации. В такой ситуации могут пострадать акционеры (участники) организации, что приведет к снижению их деловой инвестиционной активности. Кроме того, вред корпорации может быть причинен так, что это повлечет ее банкротство, и, как следствие, увеличение социального напряжения и снижение уровня жизни работников данного юридического лица. Поэтому необходимо осуществить анализ законодательства, судебной практики, а также научных трудов, и на этой основе выдвинуть предложения, позволяющие снизить уровень проблемности рассматриваемого вопроса.

Согласно ст. 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1] лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, несет ответственность за убытки, причи-

ненные по его вине юридическому лицу. В литературе такого рода ответственность называют корпоративной и понимают под ней «разновидность именно гражданско-правовой ответственности, установленной за нарушение субъективных гражданских (корпоративных) прав и корпоративных обязанностей» [2]. В то же время заметим, что ответственность лица, которое может определять действия юридического лица, также установлена и в п.1 ст. 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [3].

Итак, законодатель предусмотрел два вида возможной ответственности лица, которое имеет фактическую возможность определять действия корпоративного юридического лица, исходя из того, какие последствия наступили для корпоративного юридического лица. Во-первых, это связано с банкротством. В данном случае контролирующее лицо может быть привлечено к субсидиарной ответственности при банкротстве организации, которая стала банкротом в результате его деяний (действий или бездействия). Во-вторых, лицо, имеющее возможность определять действия организации, может быть привлечено к ответственности по инициативе юридического лица, либо акционеров (участников), если в результате его действий корпоративное юридическое лицо понесло убытки. Ниже рассмотрим более подробно данные

виды ответственности в контексте темы магистерской работы.

В целях защиты имущественных прав кредиторов при банкротстве должника, законом установлен специальный механизм, позволяющий привлечь лицо, которое могло фактически определять действия организации-должника к субсидиарной ответственности. Отношения по привлечению к субсидиарной ответственности в банкротстве регулируются нормами главы III.2. ФЗ «О банкротстве». Отметим, что указанная глава была введена совсем недавно — в 2017 году [4], ранее отношения по привлечению к субсидиарной ответственности регулировались ст. 10 указанного закона. Внесение изменений в законодательство о банкротстве РФ было обусловлено, прежде всего, необходимостью конкретизации процедуры привлечения контролирующих должника лиц к ответственности, в том числе и в расширении субъектного состава лиц, которые могут быть признаны контролирующими должника. В настоящее время в отношении контролирующих должника лиц ведется «концептуальная борьба», которая определяется как «система экономико-правовой ответственности данного лица за совершение неправомерных и недобросовестных действий, направленных на доведение хозяйствующего субъекта до кризисного состояния (банкротства) с целью получения личной выгоды, через неисполнение возникающих у должника обязательств перед кредиторами, в том числе, перед государством» [5]. Действительно, нельзя не обратить внимание на тот факт, что сейчас в России проблеме привлечения к субсидиарной ответственности в банкротстве уделяется достаточно большое внимание.

При этом законодатель так и не закрепил на официальном уровне, что следует понимать под субсидиарной ответственностью в банкротстве. В связи с этим, обратимся к общим положениям гражданского законодательства, которое устанавливает, что в случае если основной должник отказался или не имеет возможности удовлетворить требование кредитора, то данное требование может быть предъявлено к лицу, которое в силу закона, договора или иных обстоятельств несет дополнительную ответственность за основного должника. Некоторые авторы определяют субсидиарную ответственность в банкротстве как, «дополнительную ответственность третьего лица, когда основной должник не в состоянии рассчитаться по своим обязательствам» [6]. Из приведенного определения, можно выделить характерную особенность субсидиарной ответственности в банкротстве, которая заключается в том, что она применяется только в случае, если должник не имеет возможности в полном размере погасить задолженности перед кредиторами. Однако если у должника достаточно имущества для удовлетворения требований кредиторов в полном объеме, то основания для привлечения контролирующих лиц к субсидиарной «дополнительной» ответственности отсутствуют. Некоторые ученые выделяют и другие характерные признаки субсидиарной ответственности в банкротстве [7].

В этой связи согласимся с мнением, что для субсидиарной ответственности в банкротстве, действительно, характерны некоторые признаки, отличные от иных видов гражданско-правовой ответственности. Это, в свою очередь, определяет важность в разработке и совершенствовании «специальных» норм о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности в банкротстве.

Исходя из того факта, что существует два вида ответственности лиц, которые могут определять действия корпоративного юридического лица, рассмотрим основания и условия привлечения таких лиц к субсидиарной ответственности в результате банкротства организации и в результате причинения убытков.

Законодатель установил только два основания для привлечения к субсидиарной ответственности в банкротстве, а именно: ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов; ответственность за неподачу или несвоевременность подачи заявления должником о признании себя банкротом. Так, к субсидиарной ответственности за невозможность погашения требований кредиторов (первое основание) привлекается контролирующее должника лицо при условии, что указанные в ст. 61.11 Закона о банкротстве деяния, послужили причиной возникновения признаков банкротства у должника. Таким образом, для привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности по ст. 61.11 ФЗ «О банкротстве», необходимо доказать, что предпосылкой появления признаков банкротства явились именно действия контролирующего должника лица. При этом судом учитывается, к примеру, не одна сделка или операция, совершенная под влиянием лица, которое может определять действия организации, а совокупность и направленность всех действий за определенный период времени.

В частности, к субсидиарной ответственности контролирующее лицо возможно привлечь и за неисполнение обязанности по подаче заявления должника в арбитражный суд (второе основание). Как правило, данная обязанность возложена на руководителя должника. Законом установлено, что заявление о признании должником себя банкротом должно быть подано не позднее месяца с момента возникновения признаков неплатежеспособности у должника (ст. 9 ФЗ «О банкротстве»). При этом в случае если за месячный срок на подачу заявления сменилось несколько руководителей должника, то они несут ответственность солидарно. К примеру, согласно Определению Арбитражного суда Ростовской области от 12 мая 2019 года [8], суд удовлетворил заявление конкурсного управляющего и кредитора о привлечении учредителя и бывшего руководителя должника в одном лице к субсидиарной ответственности. Как указано в судебном акте, основаниями привлечения к ответственности послужили факты неподачи заявления о признании должника банкротом при наличии признаков несостоятельности, в том числе и заключение ряда сделок по отчуждению имущества должника в условиях тяжелого фи-

нансового состояния. Так, арбитражный суд установил, что руководителю следовало принять решение о признании должника банкротом немедленно, поскольку возможность для восстановления платежеспособности отсутствовала. Между тем указанное заявление было подано кредитором, а не руководителем должника.

Итак, сделаем вывод, что субсидиарная ответственность в банкротстве представляет собой особый вид гражданско-правовой ответственности, которая возлагается на контролирующих лиц должника в случаях, предусмотренных законом, в виде взыскания задолженности для погашения требований кредиторов должника. Следует отметить, что субсидиарная ответственность при этом имеет свои отличительные признаки, поскольку применяется только при возникновении признаков банкротства у должника и при условии, что у основного должника недостаточно имущества для удовлетворения требований кредиторов. Так, по мнению О. М. Свириденко, «Нельзя забывать, что субсидиарная ответственность является экстраординарным механизмом защиты нарушенных прав кредиторов, <...> в делах о привлечении к субсидиарной ответственности недопустимо применять общий порядок доказывания, который установлен для иных гражданско-правовых споров» [9]. Следовательно, для привлечения к субсидиарной ответственности руководителя организации должника, важно установить именно факт осуществления данным лицом контроля над действиями должника до возникновения признаков банкротства, но в результате, которого указанные признаки возникли. Однако поскольку у нас установлена презумпция доказывания, заявителю достаточно будет указать, что руководитель организации привлекается в качестве субсидиарного ответчика, при этом обязанность доказывания обратного уже возложена на руководителя должника.

В качестве оснований ответственности ст. 53.1 ГК РФ называет то, что убытки юридическому лицу причинены вследствие того, что лицо, имеющее фактическую возможность определять действия организации, действовало неразумно и недобросовестно по отношению к нему. Поэтому, в случае наличия вины, оно несет ответственность перед организацией. Критерии разумности и добросовестности можно найти в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» [10]. В частности, как указывают исследователи, к обозначенным выше действиям может быть отнесена ситуация, когда контролирующее должника лицо вело себя таким образом, что это нельзя расценить как действия (бездействие), соответствующие обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску [11]. То есть, чрезмерный риск при ведении предпринимательской деятельности будет свидетельствовать о том, что лицо вело себя неразумно. Все это означает, что необходимо доказать наличие неразумности или недобросовестности, в деяниях контролирующего лица и их связь с возникшими у органи-

зации убытками, а также вины контролирующего лица. В этой связи следует обратиться к материалам судебной практики по рассмотрению арбитражными судами заявлений о привлечении к ответственности, установленной ст. 61.20 ФЗ «О банкротстве».

Так, согласно Определению Арбитражного суда Нижегородской области от 19 апреля 2019 г., суд удовлетворил требование уполномоченного органа о взыскании с руководителя должника убытков в размере 7 млн руб. на основании ст. 61.20 ФЗ «О банкротстве». Как отмечено в судебном акте, противоправное деяние руководителя должника заключалось в совершении налогового правонарушения — неверном исчислении налогов. При этом размер убытков судом был исчислен, исходя из размера пени и штрафов, поскольку основной размер задолженности перед бюджетом РФ, по мнению суда, «не может расцениваться в качестве убытков должника, поскольку подлежала уплате последним, при надлежащем ведении бухгалтерского и налогового учета» [12]. Между тем в Определении Арбитражного суда Иркутской области от 16 апреля 2019 г. [13], суд отказал конкурсному управляющему в удовлетворении заявления о взыскании убытков с бывшего руководителя должника по корпоративным основаниям. Конкурсный управляющий в заявлении ссылаясь на то обстоятельство, что должником был заключен ряд сделок в условиях его неплатежеспособности, в результате чего имущественным правам кредиторов был причинен вред. При этом суд отметил, что конкурсным управляющим не доказаны все условия для привлечения бывшего руководителя к ответственности. В частности, причинно-следственная связь между противоправным поведением руководителя и неблагоприятными последствиями, поскольку отсутствует подтверждение факта заинтересованности участников сделки в причинении должнику имущественного вреда.

Таким образом, на основании проведенного выше анализа судебной практики и норм законодательства, можно сделать следующий вывод: для привлечения к субсидиарной ответственности лица, которое могло фактически определять действия организации-должника, необходимо доказать наличие совокупности следующих обстоятельств: наличие статуса лица, которое может определять действия организации; факт наступления негативных последствий в виде невозможности полного погашения требований кредиторов; причинно-следственную связь деяния (действия или бездействия) лица, контролирующего действия должника с негативными последствиями. При этом в силу презумпций, установленных ФЗ «О банкротстве», лицом, которое может определять действия организации, автоматически понимается руководитель организаций. Что касается ответственности за причиненные убытки при рассмотрении такого дела вне рамок процедуры банкротства, то в данном случае необходимо доказать наличие у общества убытков; причинно-следственную связь деяния (действия или бездействия) лица, контро-

лирующего действия юридического лица, с убытками на стороне такой организации, а также то, что контро-

лирующее лицо действовало неразумно или недобросовестно, т. е. противоправность поведения.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 29. Ст. 3618.
2. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве России // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 39–52.
3. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 26.11.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190; Рос. газ. 2019. № 269.
4. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»: Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 266-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4815.
5. Алферов В. Н. Коригова М. М. Развитие концепции субсидиарной ответственности как инструмента повышения эффективности института банкротства и обеспечения экономической безопасности страны // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9. № 3. С. 460–474. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kontseptsii-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kak-instrumenta-povysheniya-effektivnosti-instituta-bankrotstva-i-obespecheniya>
6. Рыков И. Ю. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации. М.: Статут, 2017. 192 с.
7. Евтеев К. И. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при трансграничной несостоятельности (банкротстве): дисс... канд. юрид. наук: 12.00.03 / К. И. Евтеев. М., 2017. С. 53.
8. Определение Арбитражного суда Ростовской области от 12.05.2019 по делу № А53–7967/17 [Электронный ресурс]. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/783e1874-d641-4a46-b11a-890b2bde86fc>
9. Свириденко О. М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника // Lex Russica. 2018. № 12 (145). С. 19
10. О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица: Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70436634/>
11. Гутников О. В. Корпоративная ответственность участников коммерческих корпораций: проблемы и перспективы развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. N 1. С. 45–70.
12. Определение Арбитражного суда Нижегородской области от 19.04.2019 по делу № А43–31664/2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/5904801e-d6da-4395-be74-79a7500173fe>
13. Определение Арбитражного суда Иркутской области от 16.04.2019 по делу № А19–18232/2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/b1d97b42-4f36-4058-b03b-2f6cb302ccb1>

Последствия самовольного переустройства и перепланировки жилого помещения

Шалкина Екатерина Андреевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Данная статья рассматривает понятие переустройства и перепланировки жилого помещения, основания для проведения переустройства и перепланировки, а также последствия самовольного переустройства и перепланировки.

Ключевые слова: *жилое помещение, Российская Федерация, жилищный кодекс, перепланировка, переустройство, гражданский кодекс.*

В типовых домах складывается неблагоприятная ситуация с перепланировкой и переустройством квартир. Взглянув на дом, можно увидеть, что балконы, лоджии отличаются друг от друга. Внутри квартир возводятся перегородки, сносятся существовавшие ранее стенки, дверные проходы меняются, двери модернизируются. Порой затрагиваются несущие стены, что не может

не повлечь за собой последствия. Часто само проведение переустройства и перепланировки предшествует юридическому оформлению таковых. Поэтому тема статьи является актуальной, значимой в практическом и юридическом смысле.

Среди методов, использовавшихся для исследования темы статьи, присутствуют: общенаучный, общепило-

софский, диалектический, нормативно-аналитический, метод системного анализа, метод сравнительного правоведения.

Самовольные переустройство и перепланировка рассматривались такими авторами как В. А. Бетхер [9], Н. В. Василенко, С. Б. Иванников, И. О. Клименко, О. И. Плехановой, О. В. Сахно [10]. Основной нормативной основой исследования данной темы можно назвать Градостроительный Кодекс Российской Федерации [1], Гражданский Кодекс Российской Федерации [2], Жилищный Кодекс Российской Федерации [3].

Тема переустройства и перепланировки описана в главе Жилищного Кодекса Российской Федерации, где определены отношения, возникающие по поводу переустройства и перепланировки. Ранее в Жилищном Кодексе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики содержалась статья, которая разрешала производить переустройство и перепланировку только ради повышения благоустройства квартиры, с согласия нанимателя, совершеннолетних членом семьи нанимателя и наймодателя. Также требовалось разрешение местной администрации.

В действующем законодательстве указано, что форма собственности не влияет на возможность производить переустройство и перепланировку жилого помещения, так же, как и цель производства переустройства и перепланировки, достигаемая впоследствии, не имеет существенного значения.

Жилищный Кодекс определяет переустройство и перепланировку жилого помещения. В нем указан перечень действия, которые можно охарактеризовать как вышеуказанные понятия. Перечень в свою очередь не может быть законченным. Все действия, указанные в перечне и проводимые с жилым помещением, можно охарактеризовать как переоборудование жилого помещения.

Но в свою очередь не всякое переоборудование является по значению таким, какое определено в Жилищном Кодексе, а лишь только то, что совпадает с определением самого переустройства. Юридическую значимость имеют установка, замена, перенос санитарно-технического, электрического и другого оборудования, после которых требуются внесения изменений в технический паспорт жилого помещения.

Техническим паспортом жилого помещения является технический паспорт помещения, которое переустраивается и (или) перепланируется, требования к такому помещению указаны в законодательстве [7]. Такого рода паспорт составляется при вводе жилых строений в эксплуатацию, при включении жилых помещений в жилищный фонд.

В случае с перепланировкой жилого помещения, часть 2 статьи 25 Жилищного Кодекса [3] определяет действия, проводимые при перепланировке, которые являются юридически значимыми. Среди таких указаны изменение конфигурации жилого помещения, например, при разборке несущих перегородок, устройстве проемов в несущих стенах, межквартирные перегородки, устройство

проемов, перекрытий, обустройство дверных проемов и тому подобное. Юридическое значение такие мероприятия приобретают, когда результаты их проведения несут необходимость внести эти изменения в технический паспорт жилого помещения.

Также следует обратить внимание, что понятия «перепланировка», «переустройство» не тождественны понятию «реконструкция». Последнее понятие отражено в п.14 ст. 1 Градостроительного кодекса [1]. В ней сказано, что реконструкция — это изменение параметров объектов капитального строительства, их частей (высоты, количества этажей, площади, объема) и качества инженерно-технического обеспечения.

Жилищный кодекс Российской Федерации устанавливает в ст. 29 понятие, признаки и правовые последствия самовольного переустройства и (или) перепланировки жилого помещения. Раньше в законодательстве это не было достаточно регламентировано и освещено [3]. Эта статья Жилищного Кодекса похожа на ст. 222 Гражданского Кодекса, в особенности по поводу ответственности [2]. И все же главное отличие самовольной постройки или перепланировки в том, что постройка — это объект, а переустройство и перепланировка — действия над объектом.

В соответствии с Жилищным Кодексом Российской Федерации самовольными является переустройство и (или) перепланировка жилого помещения, проведенные при отсутствии основания, предусмотренного Жилищным кодексом в ч.6 ст. 26, или с нарушением проекта такого переустройства и (или) перепланировки [3].

Рассматривая ч.2 ст. 29 Жилищного Кодекса и ст. 7.21 Кодекса об административных нарушениях, можно вывести санкцию за порчу жилых домов, жилых помещений, порчу их оборудования, самовольные переустройство и (или) перепланировку жилых домов и помещений, использование их не по назначению. Эта санкция выражается в предупреждении, наложении административного штрафа от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей. Самовольная перепланировка в многоквартирных домах карается от двух тысяч до двух тысяч пятисот рублей. [4]

Ч.3 ст. 29 Жилищного Кодекса Российской Федерации говорит о том, что собственник жилого помещения, которое подверглось самовольным переустройствам и (или) перепланировкам, или наниматель такого жилого помещения по договору социального найма обязан привести такое жилое помещение в предшествующее изменениями состояние в разумный срок и в установленной форме [6]. Если это не будет исполнено в соответствующий срок, то по ч.5 ст. 29 Жилищного Кодекса Российской Федерации, орган, осуществляющий согласование, подает иск. Суд в свою очередь принимает решение:

1) в отношении собственника жилого помещения — о продаже с публичных торгов такого жилого помещения с выплатой собственнику вырученных от продажи такого жилого помещения средств за вычетом расходов на исполнение судебного решения с возложе-

нием на нового собственника такого помещения обязанности по приведению его в предшествующее изменением состояние. Публичные торги проводятся в соответствии с Гражданским Кодексом Российской Федерации и Федерального Закона «Об исполнительном производстве» [5].

2) в отношении нанимателя такого жилого помещения по договору социального найма — о расторжении данного договора с возложением на собственника такого жилого помещения обязанности по приведению этого жилого помещения в прежнее состояние.

Жилищный Кодекс Российской Федерации, а именно ч.6 ст. 29, предписывает, что орган, осуществляющий согласование, устанавливает новый срок для приведения жилого помещения в прежнее состояние для нового собственника жилого помещения или собственника жилого помещения, который являлся наймодателем по расторгнутому договору. Если в этот новый срок не будет выполнено приведение в прежнее состояние жилого помещения, помещение подлежит продаже с публичных торгов.

При соблюдении условий, регламентированных ч.4 ст. 29 Жилищного Кодекса Российской Федерации, такое переустроенное и (или) перепланированное жилое помещение может быть сохранено в таком виде. А собственник или наниматель могут быть освобождены от обязанности привести помещение в прежний вид. Это может произойти только по решению суда, если самим фактом

переустройства и перепланировки не нарушаются права и охраняемые законом интересы граждан, не создают угрозу жизни и здоровью граждан.

Положения ст. 29 Жилищного Кодекса Российской Федерации не имеют запрета и не уstraняют полномочия органа местного самоуправления согласовать по заявлению гражданина самовольные переустройства и (или) перепланировки и сохранять жилые помещения в таком состоянии.

Отказ органа, уполномоченного принимать решение о согласовании переустройства и (или) перепланировки жилого помещения может быть незаконным, если гражданин предоставил все указанные Жилищным Кодексом Российской Федерации документы, и переустройство и (или) планировка произведены по требованиям законодательства.

В настоящее время переустройство и перепланировка жилых помещений — частое явление. Стремление к улучшению условий проживания, увеличение комфорта влекут людей в этом направлении. Низкая правовая грамотность населения, которая в последние годы уменьшается, все же провоцирует ошибки в совершении таких действий, как переустройство и перепланировка жилых помещений. Многие люди не знают, что существует определенный законом порядок проведения этих мероприятий, что нужно согласовать переустройство и перепланировку, о юридической ответственности за нарушение вышеуказанных действий.

Литература:

1. «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // «Российская газета», N 290, 30.12.2004.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
3. «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // «Парламентская газета», N 7–8, 15.01.2005.
4. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 01.04.2020) // «Российская газета», N 256, 31.12.2001.
5. Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об исполнительном производстве» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2020) // «Собрание законодательства РФ», 08.10.2007, N 41, ст. 4849.
6. Постановление Правительства РФ от 28.04.2005 N 266 (ред. от 21.09.2005) «Об утверждении формы заявления о переустройстве и (или) перепланировке жилого помещения и формы документа, подтверждающего принятие решения о согласовании переустройства и (или) перепланировки жилого помещения» // «Российская газета», N 95, 06.05.2005.
7. Приказ Минземстроя РФ от 04.08.1998 N 37 (ред. от 04.09.2000) «Об утверждении Инструкции о проведении учета жилищного фонда в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 19.05.2008) // «Строительная газета», N 28, 23.06.1999.
8. Постановление Госстроя РФ от 27.09.2003 N 170 «Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 15.10.2003 N 5176) // «Российская газета», N 214 (дополнительный выпуск), 23.10.2003.
9. Бетхер В.А. Правовой режим самовольно переустроенных, перепланированных жилых помещений. // Вестник Омского Университета. Серия «Право». 2011. № 1. С. 130–135.
10. Сахно Олег Викторович. Осуществление права собственности на жилые помещения: Дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 Краснодар, 2005 207 с. РГБ ОД, 61:06–12/256.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ, ЗЕМЕЛЬНОЕ, ЛЕСНОЕ, ВОДНОЕ И ВОЗДУХООХРАННОЕ ПРАВО

Некоторые проблемы, связанные с правовым регулированием зон с особыми условиями использования территорий

Башаева Ирина Юрьевна, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье рассматриваются некоторые проблемы правового регулирования зон с особыми условиями использования территорий, а также практические проблемы, связанные с правовым режимом и учетом таких зон. Кроме того, анализируется эффективность законодательных нововведений в области правового регулирования зон с особыми условиями использования территорий.

Ключевые слова: зоны с особыми условиями использования территорий, правовое регулирование зон с особыми условиями использования территорий, учет зон с особыми условиями использования территорий, установление зон с особыми условиями использования территорий, возмещение убытков, правовые ограничения.

The article discusses some problems of legal regulation of zones with special conditions for the use of territories, as well as practical problems associated with the legal regime and the accounting of such zones. In addition, the effectiveness of legislative innovations in the field of legal regulation of zones with special conditions for the use of territories is analyzed.

Keywords: zones with special conditions for the use of territories, legal regulation of zones with special conditions for the use of territories, accounting for zones with special conditions for the use of territories, establishment of zones with special conditions for the use of territories, compensation for losses, legal restrictions.

Вопрос о правовом регулировании зон с особыми условиями использования территорий (далее — ЗОУИТ) на сегодняшний день является наиболее актуальным. Это обусловлено продолжительным отсутствием единого подхода к их установлению и новыми законодательными положениями, которые вступили в силу относительно недавно в рамках земельной реформы. Как правило, восприятие новелл законодательства и налаживание механизма правового регулирования по новым правилам является достаточно сложным и многоплановым процессом, поэтому порождает правовые неопределенности и проблемы практической реализации норм права. В данной статье будут рассмотрены некоторые вопросы регулирования ЗОУИТ, которые нуждаются в правовой конкретизации.

Стоит отметить, что теоретический уровень исследования ЗОУИТ недостаточен. Множество научных статей в основном посвящены конкретным видам ЗОУИТ: зонам охраны объектов культурного наследия (ОКН) [1], водоохраным зонам [2], охранным зонам газораспределительных сетей [3] и другим зонам. Небольшая часть работ касается некоторых аспектов анализируемой темы или проблем, связанных с ЗОУИТ, например, признаков и принципов определения их границ [4], ограничений прав предпринимателей в таких зонах и других вопросов

[5]. На данный момент наиболее всесторонние исследования о ЗОУИТ проведены Л.А. Тихомировой об особенностях их правового регулирования [6], Е.А. Галиновской о проблемах установления и соблюдения правового режима этих зон [7]. Отсюда возникают **научные проблемы**, которые выражаются, среди прочего, в неясности содержания конкретных терминов, например, «правовой режим зон с особыми условиями использования территорий», «зоны с особыми условиями использования территорий», «зоны охраны», «охранные зоны» и других понятий, которые требуют научной проработанности. Проблеме отсутствия должного законодательного определения ЗОУИТ, о которой стоит сказать в первую очередь, уделено внимание в другой нашей статье, где также выделены основные отличительные признаки данных зон [8]. Поэтому сейчас рассмотрим следующую проблему.

Отсутствие единообразия в правовом регулировании ЗОУИТ. Так, его основу составляет большой объем разнородных актов разной юридической силы. Например: зоны охраны ОКН регулирует Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ, Постановление Правительства РФ от 12.09.2015 № 972, утвердившее положение о таких зонах; основным правовым актом, регулирующим

охранные зоны тепловых сетей является приказ Минстроя РФ «О типовых правилах охраны коммунальных тепловых сетей» от 17.08.1992 № 197; в отношении охранной зоны трубопроводов действуют Правила охраны магистральных трубопроводов, утвержденные Минтопэнерго РФ 29.04.1992, Постановлением Госгортехнадзора РФ от 22.04.1992 № 9. Такая разрозненность порождает правовую неопределенность и усложняет правоприменительную практику, что может привести к правовым ошибкам и коллизиям.

Однако с внесением законодательных изменений Федеральным законом № 342-ФЗ от 03.08.2018 (далее — Закон № 342-ФЗ), которые во многом затронули отношения в области правового режима ЗОУИТ, был сделан первый шаг на пути к системному и единообразному подходу в их правовом регулировании [9]. Теперь согласно введенной ст. 106 ЗК РФ Правительству РФ еще предстоит утвердить положения в отношении каждого вида ЗОУИТ, за исключением тех, которые возникают в силу федерального закона (водоохранные зоны, прибрежные защитные полосы, защитные зоны ОКН). Безусловно, их подготовка представляет собой долгий и трудоемкий процесс. При этом в соответствии с утвержденным 14 декабря 2018 г. Планом-графиком по подготовке указанных положений были разработаны соответствующие проекты, которые в настоящее время еще не приняты [10]. До этого момента правовое регулирование рассматриваемых зон осуществляется в ранее действующем порядке.

Далее хотелось бы указать **проблему наполняемости ЕГРН сведениями о ЗОУИТ**. По состоянию на сентябрь 2018 г. общее количество таких зон, внесенных в реестр недвижимости, составило около 800 тысяч. Из них: охранные зоны — 757 тысяч, зоны охраны объектов культурного наследия — 5222, защитные зоны объектов культурного наследия — 191, санитарно-защитные зоны — 2500, водоохранные зоны — 4332, иные зоны — около 8 тысяч. Приведенные статистические данные взяты из доклада директора ФГБУ «ФКП Росреестр» Константина Литвинцева на заседании Комитета ТПП РФ по предпринимательству в сфере экономики недвижимости, состоявшегося 27 сентября 2018 г. Указано количество сведений о ЗОУИТ, внесенных с 1 марта 2008 г., когда вступил в силу Федеральный закон «О кадастровой деятельности» от 24.07.2007 № 221-ФЗ. Для сравнения из обобщенной информации, полученной на основе сведений, содержащихся в ЕГРН, размещенной на официальном сайте Росреестра следует, что за 2017 г. в ЕГРН было внесено 187 869 таких зон, за 2018 г. — 155 081.

Это небольшие цифры для всей Российской Федерации, так как некоторых видов ЗОУИТ, очевидно, больше. Как видим, также существует тенденция на уменьшение внесения таких сведений в ЕГРН. Низкий уровень его наполняемости может быть вызван разными факторами. Например, существуют ЗОУИТ, в отношении которых законодательством не определены органы, уполномоченные на принятие решений об их установлении субъекты, ответственные за направ-

ление сведений об этих зонах в ЕГРН, а также порядок направления необходимых для внесения таких сведений документов. Еще до вышеуказанных законодательных нововведений по этому вопросу была выражена позиция Минэкономразвития России, которая указала, что в таком случае сведения о ЗОУИТ внесению в ЕГРН не подлежат (в частности, речь шла об охране магистральных трубопроводов, линий и сооружений связи) [11].

Сейчас можно сказать, что законодателем введен ряд положений, направленных на решение указанной проблемы. Во-первых, в положениях о ЗОУИТ, которые еще предстоит принять, предусмотрены некоторые значимые условия: должны быть определены органы, принимающие решения об установлении таких зон, исчерпывающий перечень документов для принятия такого решения, оснований для отказа в его принятии и другие условия. Во-вторых, из п. 10 ст. 106 ЗК РФ следует, что сведения о границах конкретной зоны в форме графических и текстовых материалов являются обязательным приложением к решению об ее установлении или изменении. При этом координаты характерных точек определяются установленной для ведения ЕГРН системой координат.

По общему правилу ЗОУИТ считается установленной, измененной или прекращает свое существование с момента внесения сведений в реестр границ ЕГРН в соответствии со ст. 10 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [12]. Однако в связи с введением новых правил и требований Законом № 342-ФЗ законодателем предусмотрен так называемый переходный период, согласно которому ЗОУИТ считаются установленными в случае отсутствия указанных сведений в ЕГРН, если они образованы до 1 января 2022 г. Это положение закреплено в п. 8 ст. 26 вышеназванного закона, и в настоящий момент такой период должен истечь в срок до 1 января 2025 г. Толкование этой нормы объясняет то, что если такие ЗОУИТ не будут внесены в ЕГРН в указанный срок, они будут считаться юридически не установленными.

Думается, указанные положения скажутся положительно в отношении правового регулирования ЗОУИТ и будут способствовать наполняемости ЕГРН сведениями о них. В частности, они ориентированы на решение еще одной **проблемы — момента установления ЗОУИТ**. На практике встречалось много случаев, когда одни суды считали некоторые ЗОУИТ, не внесенные в ЕГРН, установленными, а другие суды, напротив, не признавали такое установление. Зачастую это происходило, когда правообладатели земельных участков при совершении тех или иных юридически значимых действий неожиданно узнавали, что их земельные участки находятся в границах таких зон. Так, Верховный суд Российской Федерации указал, что нижестоящие суды правомерно отказали в удовлетворении требований о возмещении убытков индивидуальному предпринимателю, причиненных ограничением прав в связи с нахождением его земельного участка в санитарно-защитной зоне от илонакопителя, о чем он узнал при отказе в получении разре-

шения на строительство индивидуального жилого дома [13]. Судами было установлено, что действующий илوناкопитель введен в эксплуатацию еще в 1982 г. и указано, что санитарно-защитная зона существовала на основании действовавших в то время санитарных правил, когда отдельного ее установления не требовалось. Следовательно, соответствующие ограничения считаются установленными, а на момент приобретения истцом земельного участка, он уже находился в границах санитарно-защитной зоны, поэтому факт причинения истцу убытков не доказан. Подобных судебных решений не мало [14]. В таких ситуациях правообладатели земельных участков оказываются в сложной ситуации. Исходя их приведенной судебной позиции, они должны обладать всей необходимой информацией о своих земельных участках, которую порой получить затруднительно, в целях своей защиты. Теперь суды обязаны руководствоваться новыми положениями о внесении сведений в ЕГРН. Поэтому, возможно, судебная практика будет меняться, и суды будут обращать особое внимание на момент установления ЗОУИТ.

Важным вопросом, вытекающим из предыдущей проблемы, является **возмещение убытков при ограничении прав в связи с установлением ЗОУИТ**. До августа 2018 г. этот вопрос регулировался пп. 4 п. 1 ст. 57

ЗК РФ, закрепляющим возмещение в полном объеме убытков, причиненных ограничением прав собственников, арендаторов земельных участков, землепользователей и землевладельцев. Сейчас ЗК РФ дополнен новой ст. 57.1, которая посвящена особенностям возмещения убытков при ограничении прав в связи с установлением,

изменением ЗОУИТ. Вышеуказанные примеры судебной практики иллюстрируют одну из причин отказа в возмещении таких убытков. Существуют и другие, например, такой отказ бывает в случаях, когда правообладатель земельного участка является профессиональным участником рынка в сфере строительства, и суды предъявляют повышенные требования к его осмотрительности в отношении обременений земельного участка [15].

Особое внимание стоит обратить на то, что некоторые суды отказывают в возмещении убытков по причине отсутствия в законодательстве их четкого механизма. Одни из таких решений были отменены Арбитражным судом Северо-Западного округа, который указал на то, что нижестоящие суды не исследовали некоторые существенные обстоятельства, и справедливо отметил, что законодательством все же предусмотрено возмещение убытков при ограничении прав в связи с установлением ЗОУИТ, ссылаясь на ст. 57 ЗК РФ и на Постановление Правительства РФ от 07.05.2003 № 262, утверждающего общие правила возмещения убытков правообладателям земельных участков [16]. Таким образом, детальная правовая регламентация отдельных вопросов о порядке возмещения убытков при установлении ЗОУИТ в настоящий момент необходима.

Основываясь на вышеизложенных положениях, отметим, что ЗОУИТ требуют как подробного теоретического исследования, так и дальнейшей правовой конкретизации для восполнения правовых пробелов, предотвращения неоднозначной судебной практики и правовых ошибок.

Литература:

1. Никифоров А. А. Зоны охраны объектов культурного наследия — правовой инструмент сохранения исторической среды памятника истории и культуры // *Культура: управление, экономика, право*. 2014. № 3. С. 3–11.
2. Колесова О. Н. Правовой режим водоохранной зоны // *Журнал российского права*. 2012. № 4. 50–57 с.
3. Шумилина В. О., Шумилин О. В. Правовой режим охранной зоны газораспределительных сетей // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2015. № 1 (65). С. 69–75.
4. Торсунова О. Ф., Конева А. В. Признаки и принципы определения границ зон с особыми условиями использования территорий // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. 2017. Том 2, № 3. С. 178–182.
5. Золотова О. А. Ограничения прав предпринимателей в границах зон с особыми условиями использования территорий // *Юридический вестник Самарского университета*. 2018. Том 4, № 3. 70–76 с.
6. Тихомирова Л. А. Зоны с особыми условиями использования территорий: особенности правового регулирования. Специально для системы ГАРАНТ [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://base.garant.ru/57509230/>
7. Зоны с особыми условиями использования территорий (проблемы установления и соблюдения правового режима): научно-практическое пособие / Е. А. Галиновская, Е. С. Болтанова, Г. А. Волков [и др.]; отв. ред. Е. А. Галиновская. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М. 2020. 304 с.
8. Башаева И. Ю. Понятие зон с особыми условиями использования территорий и их отличительные признаки // *Отечественная юриспруденция*. № 2 (41). 2020. С. 12–17.
9. Федеральный закон от 03.08.2018 № 342-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 06.08.2018. № 32 (Часть II). Ст. 5135.
10. План-график Правительства Российской Федерации по подготовке проектов актов Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти, необходимых для реализации норм Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 342-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации»

Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», утвержденный заместителем Председателя Правительства Российской Федерации В. Л. Мутко от 24 января 2019 г. № 903п-П9.

11. Письмо Минэкономразвития России от 18.10.2017 № Д23и-5989 // СПС КонсультантПлюс.
12. Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СЗ РФ. 20.07.2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.
13. Определение Верховного Суда РФ от 04.06.2018 № 309-ЭС18-6555 по делу № А50-10573/2017 // СПС КонсультантПлюс.
14. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.09.2018 № 17АП-11345/2018-ГК по делу № А50-24016/2017.
15. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 03.09.2018 № Ф02-3172/2018 по делу № А58-358/2016, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.03.2018 № Ф06-30775/2018 по делу № А57-12113/2017 // СПС КонсультантПлюс.
16. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.10.2018 № Ф07-12933/2018 по делу № А56-104231/2017 // СПС КонсультантПлюс.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Актуальные проблемы осуществления полномочий прокурором по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением

Панфилова Елизавета Анатольевна, аспирант

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье автор рассматривает полномочия прокурора по уголовному делу, поступившему к прокурору с обвинительным заключением, в частности, проблемные вопросы.

Ключевые слова: прокурор, обвинительное заключение, уголовное дело, следователь.

Проблемам обеспечения прав и свобод человека и гражданина в области уголовного судопроизводства уделяется пристальное внимание на законодательном, научном и правоприменительном уровнях. Данные проблемы на современном этапе развития обусловлены и актуализированы переосмыслением многих уголовно-процессуальных институтов в связи с изменениями, вносимыми в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ). Важнейшим является институт принятия прокурором решений по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением.

Совокупность действий и решений прокурора по уголовному делу, поступающему к нему по завершению предварительного следствия, является важнейшим этапом досудебного производства, от которого во многом зависит судьба уголовного дела, перспектива его рассмотрения в суде, обеспечение прав вовлекаемой в уголовное судопроизводство личности, защита интересов государства и общества, затрагиваемых совершением преступлений. На данном этапе прокурор проверяет соответствие выводов органов предварительного следствия, установленных в ходе расследования обстоятельствам дела, правильность квалификации содеянного, а также соблюдение уголовно-процессуального законодательства при производстве следственных и иных процессуальных действий, оформление процессуальных документов следователем. Одновременно он проводит анализ процессуальной деятельности следователя на протяжении всего предварительного следствия, оценивает надёжность доказательственной базы для успешного поддержания государственного обвинения по уголовному делу в судебном заседании, обеспечивает, таким образом, успешность уголовного преследования в суде.

Вследствие внесения изменений от 5 июня 2007 года (Федеральный закон № 87-ФЗ «О внесении изме-

нений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации») в УПК РФ у прокурора в настоящее время отсутствуют полномочия самостоятельно составить обвинительное заключение, прекратить уголовное дело либо уголовное преследование, внести какие-либо изменения в обвинительное заключение, изменить меру пресечения, за исключением требований ч. 2 ст. 109 УПК РФ. Прокурор в рамках своих полномочий может лишь согласиться с обвинительным заключением, либо возвратить уголовное дело следователю со своими указаниями, что не согласуется со статусом прокурора, который обязан осуществлять надзор за следствием и в будущем поддерживать государственное обвинение.

Несмотря на передачу полномочий по руководству предварительным следствием руководителю следственного органа прокурор остается лицом, надзирающим за процессуальной деятельностью всех органов предварительного расследования (ч. 1 ст. 37 УПК РФ) и не лишённым ответственности за результаты их деятельности по уголовным делам. Вопрос о назначении и содержании процессуальных полномочий по уголовному делу, поступающему к нему с обвинительным заключением, до настоящего времени остается проблемным и остро дискуссионным, в связи, с чем представляет особый научный интерес и нуждается в дальнейшем исследовании с учетом результатов его исследования, теории и практики уголовного судопроизводства на сегодняшний день.

Так, весьма спорным является решение законодателя об исключении из ст. 221 УПК РФ нормы о прекращении прокурором уголовного дела либо уголовного преследования в отношении отдельных обвиняемых полностью или частично, если прокурор придёт к выводу об отсутствии доказательств, устанавливающих их виновность. С учетом права прокурора согласно ч. 7 ст. 246 УПК РФ в качестве государственного обвинителя отказаться

от обвинения полностью или частично, что влечёт прекращение уголовного дела или уголовного преследования судом, подобную ситуацию можно расценивать как нон-сенс, подлежащий устранению.

Актуальна проблема исчисления сроков предварительного следствия в случае, когда следователь использует право обжалования вышестоящему прокурору решения прокурора о возвращении уголовного дела для дополнительного следствия. Последствием наличия пробела в нормах УПК РФ при решении этого вопроса являются возникающие в следственной и судебной практике дискуссии относительно порядка исчисления сроков предварительного следствия. Исходя из правового смысла частей 4 и 5 ст. 221 УПК РФ в случае принятия решения следователем об обжаловании решения прокурора сроки рассмотрения его ходатайства могут составлять длительное время, что, нарушает принцип разумного срока уголовного судопроизводства.

Расширение регламентации действий и решений прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением, свидетельствующее о повышении значения данного этапа досудебного производства приводит к выдвиганию идей о возможности считать его самостоятельной стадией наряду со стадиями возбуждения уголовного дела и предварительного расследования [1], что является далеко не бесспорным и заслуживает серьезного научного анализа.

Уголовно-процессуальное законодательство гарантирует процессуальную самостоятельность следователей (ст. 38 УПК РФ), устанавливает пределы вмешательства

прокурора в процессуальную деятельность следователя (ст. 37 УПК РФ, закрепившими процессуальные полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве, а также п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 4 ст. 41, ч. 4 ст. 221 УПК РФ). Роль прокурора в уголовном судопроизводстве исключительно важна.

Нельзя оставить без внимания и проявляемые в теории уголовного процесса достаточно активные усилия обосновать, в свете концепции отрешения прокурора от процессуального руководства предварительным следствием, что прокурора надо лишить полномочия утверждать обвинительное заключение с передачей данного полномочия руководителю следственного органа, с чем нельзя согласиться [2].

Стоит отметить, что не уделяется должного внимания рассмотрению деятельности прокурора и следователя в едином контексте как системе взаимосвязанных и взаимообусловленных действий. Следует иметь в виду, что ведомственный контроль не может заменить полноценного прокурорского надзора. Оставить проблему без изменения, не предпринимая ничего, значит согласиться с существующим положением прокурора, что будет мешать осуществлению эффективного прокурорского надзора за предварительным следствием.

Из указанного выше следует, что исследование комплекса взаимосвязанных между собой проблем, стоящих перед правовым регулированием процессуальных полномочий прокурора на данном этапе развития уголовного судопроизводства, не утратило в настоящее время научного и практического значения.

Литература:

1. Ковтун Н.Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. №9. С. 123–137.
2. Багмет А.М., Цветков Ю.А. Утверждение обвинительного заключения прокурором: рудимент или необходимость? // Российская юстиция. 2018. №4. С. 53–55.

Посредничество во взяточничестве: основные проблемы

Рожина Сайаана Валентиновна, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (г. Якутск)

Эффективность применения закона на практике во многом зависит от того, насколько он отвечает принципам, задачам и целям законодательства. Как нам известно право является целостной системой, в котором нормы права взаимосвязаны с друг другом и не могут противоречить друг другу. Таким образом каждая система права должна обладать единством, целостностью.

Но, к сожалению, Уголовный Кодекс РФ не всегда отвечает данным требованиям. Введение множества поправок в законодательство влечёт за собой противоречие и несогласованность норм права между Общей и Особенной частью. Одним из таких ярких примеров

является изменения в УК РФ Федеральным Законом от 4 мая 2011 г. №97-ФЗ, который ввел изменения в институте соучастия, а именно посредничество во взяточничестве-ст. 291.1 УК РФ.

В своей статье я рассмотрю некоторые проблемные аспекты данной нормы.

Во-первых, предметом взятки являются деньги, ценные бумаги, иное имущество или незаконное оказание услуг имущественного характера. либо предоставление имущественных прав. В ч.1 ст. 291.1 УК РФ предусмотрено посредничество в значительном размере, т.е не менее 25.000 рублей. Следовательно, при посредниче-

стве менее 25 т.р состав преступления по данной статье отсутствует и не будет квалифицироваться как посредничество. Возникает вопрос: чем же тогда это будет? По моему мнению, посредничество в сумме не превышающее 25 т. р., также носят общественную опасность и должны привлекаться к ответственности наравне с ч.1 ст. 291.1 УК РФ, где максимальное наказание составляет лишение свободы до 4-х лет. Данная норма противоречит основному принципу уголовного законодательства — принципу справедливости.

Во-вторых, в ч.2 рассматриваемой нормы совершение деяния лицом с использованием служебного положения является квалифицирующим составом преступления и носит наименьшую общественную опасность, нежели преступления совершённые группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, в крупном и особо в крупном размере. Но если разобрать другие статьи УК РФ мы видим, что данное явление наоборот же носит наиболее общественную опасность, чем указанные признаки в ч.3 ст. 291.1 УК РФ, либо носят равнозначный характер. Например, в ч.3 статье 146 УК РФ использование служебного положения является особо квалифицирующим составом наравне с группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, и в особо крупном размере. И являются более опасными, чем совершение в крупном размере. Аналогичное построение можем наблюдать и в ст. 159, 160, 174, 174.1, 175 УК РФ. Таким образом, существует противоречие норм права, отсутствие системности и логики в общем, а также явное несоответствие принципу справедливости уголовного права. Смысл данного принципа, предусмотренной ст. 3 УК РФ, состоит в том, что наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности.

В-третьих, одним из признаков особо квалифицированного состава преступления является совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, в котором законодатель указал в одном пункте. Многие авторы, учёные не согласны с этим, и я с ними полностью согласна. Так как эти признаки носят разную степень общественной опасности.

В-четвёртых, в последней части ст. 291.1 УК РФ устанавливается ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве, т.е у лица имеется умысел на общественное опасное деяние, но само преступление отсутствует. Следовательно данное деяние является неоконченным преступлением, так как обещание или предложения являются одним из действий приготовления к преступлению. По ст. 29 УК РФ неоконченное преступление следует квалифицировать за оконченное преступление со ссылкой на ст. 30 УК РФ, т.е в совокупности данной статьи и ч.1–3 ст. 291.1 УК РФ, также ч.5 ст. 291.1, это приведёт к противоречию ч.2 ст. 6, что никто не может быть привлечён к ответственности дважды за одно и то же преступление. Также в ч.5 не предусмотрен размер предмета преступления, следовательно если сумма составляла менее 25 т.р лицо может быть привлечено к ответственности по данной части статьи.

В-пятых, важной проблемой в данной статье является срок наказания. Если за оконченное преступление предусмотрено ч.1 ст. 291.1 УК РФ наказывается штрафом в размере до семисот тысяч рублей, или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, или в размере от двадцатикратной до сорокакратной суммы взятки с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до четырех лет со штрафом в размере до двадцатикратной суммы взятки или без такового. А в ч.2 наказывается штрафом в размере до одного миллиона рублей, или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, или в размере от двадцатикратной до пятидесятикратной суммы взятки с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок от трех до семи лет со штрафом в размере до тридцатикратной суммы взятки или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового. То за неоконченное преступление, предусмотренное ч.5 наказывается штрафом в размере до трех миллионов рублей, или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, или в размере до шестидесятикратной суммы взятки с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового либо лишением свободы на срок до семи лет со штрафом в размере до тридцатикратной суммы взятки или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового [2]. Таким образом ответственность за неоконченное преступление намного строже, чем оконченное преступление. Получается, что лицо совершившее посредничество во взяточничестве получит наиболее мягкое наказание, чем лицо, обещавшее или предложившее посредничество.

Также отсутствует взаимосвязь с другими смежными статьями. Так ответственность при даче взятки. Если рассматривать по степени опасности, дача взятки безусловно опаснее посредничества. Но почему же тогда санкция за соучастие намного строже?

Таким образом, проанализировав статью 291.1 УК РФ без сомнения можно сказать о её недоделанности, а также о противоречии её целостной системе права. Также данная норма не соответствует основным принципам уголовного права, о какой логике и справедливости может идти речь, если лицу который совершил покушение, либо соучастие во взяточничестве предусматривается ответственность строже, чем лицу, совершившей оконченное преступление посредничества, либо лицу, которое дало взятку. Если санкция за посредничество в размере менее 25 т.р исключает ответственность.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020)
3. Федеральный закон РФ от 4 мая 2011 г. №97 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // Собрание законодательства РФ», 09.05.2011, № 19
4. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 21 ноября 2013 г. № 14-АПУ13–16СП [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» 5. Борков, В. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения / В. Борков // Уголовное право. — 2011. — № 4. — С. 9–14.
5. Гарбатович, Д. Посредничество во взяточничестве: преобразованный вид пособничества / Д. Гарбатович // Уголовное право. — 2011. — № 5. — С. 4–8.
6. Ишмухамбетова, Л.Х. Проблема понимания посредничества во взяточничестве согласно ст. 291.1 УК РФ / Л.Х. Ишмухамбетова // Теория и практика современной науки. — 2019. — № 1 (43). — С. 257–259.
7. Коняева Е. Н. Проблемы квалификации получения взятки при участии посредника // Молодой ученый. — 2019. — № 44. — С. 213–216. — URL <https://moluch.ru/archive/282/63576>

Психологическое и физическое воздействие на спортсмена в рамках статей 230.1 и 230.2 УК РФ

Сулопаров Игорь Анатольевич, старший преподаватель;

Кучева Анастасия Сергеевна, студент

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье изучаются актуальные вопросы квалификации действий лиц, склоняющих/применяющих в отношении спортсменов запрещенные субстанции и (или) методы для достижения спортивных результатов.

Основное внимание уделено исследованию психического и физического воздействия на потерпевшего, характеристике отдельных вариантов исполнения объективной стороны преступления и квалификации совершаемых действий, для чего авторы обращаются также и к правовой оценке субъективной стороны изучаемых преступлений.

Квалификационные проблемы рассматриваются авторами статьи как в срезе конкуренции изучаемых составов преступлений с преступлениями против личности, так и конкуренции основного и квалифицированных составов преступлений, предусмотренных различными частями ст. 230.2 УК РФ.

Ключевые слова: уголовное законодательство, квалификация преступлений, преступления против здоровья населения, преступления в сфере спорта, криминальное воздействие, принуждение, понуждение, психическое насилие, допинг.

Допинг — одна из серьезнейших проблем современного профессионального спорта. На сегодняшний день значительное количество спортсменов Российской Федерации и других стран были дисквалифицированы и (или) лишены ранее выданных наград за применение запрещенных средств. Казалось бы, что данный вопрос ныне не будет столь актуальным для России, но, увы, допинговые скандалы с каждым годом лишь набирают обороты. Дисквалификация спортсменов, ущерб для здоровья, лишение спортивных наград, негативный общественный резонанс на подтвержденные случаи использования допинга — это далеко не полный перечень вредоносных последствий от преступной деятельности виновных лиц.

Уголовная ответственность, которая была введена законодателем в 2016 году за склонение к употреблению и использование допинга в отношении спортсмена, не охватывает всего перечня злоупотреблений,

совершаемых в сфере профессионального спорта. В частности, законодатель не акцентировал внимание на целом ряде вопросов, касающихся понятийной, доказательственной базы, а также не затронул и не раскрыл иные действия, совершая которые, любое заинтересованное лицо может распространять запрещенные средства, например, публично вести пропаганду их применения и т. п. В современных научных источниках авторы начинают обращаться к новым статьям о преступлениях, связанных со спортивными соревнованиями, например, к отдельным вопросам квалификации деяния, предусмотренного ст. 230.1 УК РФ [1, с.324], что еще раз подчеркивает актуальность нашего исследования.

Для более глубокого изучения антидопинговых составов преступлений, закрепленных в уголовном законодательстве РФ, необходимо проанализировать используемое средство достижения преступной цели, а именно

психологическое и физическое воздействие преступника на лицо, в отношении которого совершается общественно опасное деяние — склонение к употреблению/использование в отношении спортсмена допинга.

Сначала необходимо выяснить, какую роль в преступлениях, урегулированных статьями 230.1 и 230.2 УК РФ, играет спортсмен — потерпевший или соучастник? На данный вопрос, на первый взгляд, нет однозначного ответа, так как совершаемые действия можно оценить с разных точек зрения. С одной стороны, спортсмен сам заинтересован в принятии допинг — средств для достижения высоких результатов. Он может всячески скрывать факт их использования, стремится реабилитироваться, будучи уличенным в потреблении, и утверждать, что ни он сам, ни тренер, иной специалист из области физической культуры и спорта, спортивной медицины, другие лица, оказывавшие ему помощь в процессе подготовки к соревнованиям, не причастны к склонению и употреблению запрещенных средств. С другой стороны, халатность лиц, непосредственно контактирующих со спортсменом во время подготовки и прохождения соревнований, их корыстная и иная заинтересованность в победе спортсмена, подталкивает вышеуказанных субъектов на совершение психологических, физических воздействий на профессионального спортсмена, которые влекут за собой как негативные (ухудшение здоровья спортсмена), так и позитивные (высокий результат) последствия. Если взять во внимание, что лицо, склоняющее спортсмена или применяющее к нему допинг, игнорируя волю спортсмена, стремится к потреблению последним допинга, то профессионального спортсмена следует признать потерпевшим.

В уголовном законодательстве не является наказуемым самостоятельное употребление спортсменом в соревновательный период запрещенных веществ в отличие от действий лиц из профессионального окружения спортсмена, который фактически подстрекает его к нарушению антидопинговых запретов или содействуют в этом [2, с. 97–105], т. е. в использовании в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте.

При совершении любого преступления против личности может оказываться психологическое воздействие на потерпевшего путем воздействия, склонения, понуждения, принуждения или насилия. В теории уголовного права нет определения категории «психологическое воздействие», хотя она является общей для нескольких составов, урегулированных уголовным законодательством.

Установить наличие психологического воздействия в преступном деянии достаточно сложно. Во избежание смешения категориальных понятий «воздействие», «склонение», «понуждение», «принуждение» или «насилие», которые, так или иначе, соприкасаются или совпадают с понятием «психологическое воздействие», а также для установления пределов их использования и определения уголовно-правового значения в правовых науках, необходимо раскрыть их, сравнить имеющиеся определения.

Синонимичным понятию «психологическое воздействие», по мнению некоторых авторов [3, с. 3–13], является «психическое воздействие». Но существуют точки зрения, опровергающие их тождество. Психологическое воздействие — преднамеренное, целенаправленное вмешательство в процессы психического отражения действительности другого человека в отличие от психического, которое может происходить и без выраженного желания воздействующего субъекта и даже в его отсутствие («его слова запали мне в душу, хотя он даже не догадывается о моем существовании») [4, с. 378–384].

Объективная сторона преступного деяния, запрещенного статьей 230.1 УК РФ, выражается в склонении спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, за исключением случаев, предусмотренных ст. 230 УК РФ. Легальное толкование понятия «склонение» содержится в примечании к вышеуказанной статье. Склонение — это «любые умышленные действия, способствующие использованию спортсменом запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, в том числе совершенные путем обмана, уговоров, советов, указаний, предложений, предоставления информации либо запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, устранения препятствий к использованию запрещенных субстанций и (или) запрещенных методов». При этом для признания преступления оконченным не требуется, чтобы склоняемое лицо (спортсмен) фактически использовало субстанции и (или) методы, запрещенные для использования в спорте.

Использование в отношении спортсмена независимо от его согласия запрещенных для использования в спорте субстанций и (или) методов (ст. 230.2 УК РФ), за исключением случая, когда в соответствии с законодательством РФ о физической культуре и спорте использование не является нарушением антидопингового правила, также является уголовно наказуемым. Преступление окончено в момент, когда виновный фактически использовал допинг в отношении спортсмена против воли или без её выражения. Отметим, что есть несколько вариантов преступного поведения лица, совершающего использование средств в отношении спортсмена допинга: когда соревнующийся ставится в известность перед использованием средств и действия совершаются помимо выраженной воли спортсмена, и когда он не знает о том, что каким-то образом причастен к нарушению антидопинговых запретов.

По нашему мнению, если в отношении спортсмена применяются запрещенные средства без уведомления его о таком деянии, то действия лиц, указанных в ч.1 ст. 230.2 УК РФ, могут рассматриваться, при наличии опасных последствий для здоровья, как посягательство на личность. В тех случаях, когда лицо, применившее запрещенные средства, безразлично относилось к возможному вреду для здоровья спортсмена, содеянное надлежит квалифицировать, в зависимости от наступивших последствий, по совокупности со ст.ст. 111, 112, 115 УК РФ.

Если же после потребления спортсменом допинга у него появилось опасное для здоровья состояние, скоропреходящие болевые ощущения, физический дискомфорт, кратковременное расстройство здоровья, не повлекшее последствий, предусмотренных ч.1 ст. 115 УК РФ, действия виновного лица следует квалифицировать по п. «в» ч.2 ст. 230.2 УК РФ, как совершенные с применением насилия или угрозы его применения.

Во второй ситуации спортсмен выражает свою волю (несогласие) по поводу использования допинга, но его воля игнорируется и средства применяются. Можем ли мы говорить в обозначенном случае о психологическом воздействии на спортсмена, который является потерпевшим по статьям 230.1 и 230.2 уголовного законодательства? Если «да», как соотносятся указанные действия субъекта с известными уголовному закону понятиями? Для решения этого вопроса, необходимо раскрыть понятия категорий, достаточно часто встречающихся в праве — «понуждение», «принуждение».

В психологии термин «понуждение», в отличие от уголовного права, не используется, а под «принуждением» понимается метод психологического воздействия насильственного характера, который направлен на подавление воли другого человека [5, с. 276–288]. С. В. Шевелева отмечает, что при принуждении потерпевшему либо предоставляется возможность избежать неблагоприятных для себя последствий и выбрать допустимый (для него) вариант поведения, либо он лишен такой возможности [6, с. 202–203]. На наш взгляд, правовая конструкция «независимо от его согласия», предусмотренная ч.1 ст. 230.2 УК РФ, охватывает оба отмеченных варианта.

Л. В. Сердюк в своих трудах пишет, что понуждение достигается посредством угроз, направленных на будущее. Такое воздействие, по мнению автора, не подавляет волю потерпевшего, а лишь склоняет к определенным действиям, тогда как принуждение рассчитано на полное подчинение воли потерпевшего, заведение его в безвыходное положение, когда у него отсутствует выбор поведения [7, С. 28]. В свою очередь, В. В. Калугин, как и большинство других авторов, считает, что принуждение — это насильственное воздействие, которое в соответствии со ст. 40 УК РФ подразделяется по степени подавления воли на: 1) непреодолимое — при нем принуждаемый полностью утрачивает способность в той или иной мере руководить своим поведением; 2) преодолимое — при таком принуждении принуждаемый сохраняет способность в той или иной мере руководить своим поведением [8, С.292].

По мнению Е. Н. Холоповой, насильственное психическое принуждение, которое влияет на бессознательное/сознательное человека, может быть осуществлено двумя способами: 1) путем информационного воздействия (угрозы причинения вреда, лицо осознает свои действия), 2) путем непосредственного воздействия на бессознательную составляющую человеческой психики (прямое воздействие, отсутствие осознания совершаемых действий) [9, с. 37–40]. Также она считала, что судебно-психо-

логическая экспертиза может выступать доказательством оказанного на потерпевшее лицо психического или физического принуждения [10, с. 290–295]. Тем самым, мы можем прийти к выводу, что данный вид экспертизы вполне применим и в качестве доказательств принуждения спортсмена к склонению субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. С точкой зрения Е. Н. Холоповой невозможно не согласиться, поскольку эти вопросы являются ныне актуальными и все чаще затрагиваются учеными — юристами, а также психологами.

Далее обратимся к понятиям «психологическое насилие», «психическое насилие», которые являются более узкими по содержанию, чем «психологическое воздействие», и это вполне объяснимо. Е. Н. Волковой дано следующее определение дефиниции «психологическое насилие» — преднамеренное принуждение другого человека или группы людей к поступкам или поведению, которые не входили в их намерения, осуществляемое без их согласия и без обеспечения социальной психологической безопасности индивида или группы людей, приводящее к психологическому вреду (ущербу) [11, С.191]. М. В. Кроз, Н. А. Ратинова, О. Р. Онищенко, обобщая различные точки зрения на содержание понятия «психического насилия», дали свое определение: «умышленное, общественно-опасное и противозаконное воздействие на психическую сферу и (или) поведение человека, совершенное помимо или против его воли, осуществляемое с помощью психологических методов и средств воздействия, а также направленное на подавление свободы волеизъявления в соответствии с целями преступления и способное нанести вред его психическому здоровью, причинить психическую травму» [12, С. 55].

Психологическое воздействие может быть рассмотрено в трех аспектах: положительном и отрицательном, а также нейтральном. При решении вопроса о психологическом воздействии важным будет не метод его совершения (гипноз, уговоры, предложения, дача совета и т. п.), а признаки осуществленного насилия и подавления воли лица, являющегося потерпевшим по уголовному делу. При наличии этих признаков в совокупности или по отдельности можно говорить и о деструктивном характере деяний, и об общественной опасности психологического воздействия субъекта. Какие бы дифференциации понятия «деструктивное психологическое воздействие» не использовались сегодня в правовых науках, все они объединены общим, родовым понятием «психологическое воздействие» и в определенных случаях могут иметь степень общественной опасности, свойственную преступным деяниям ст. 230.1 и 230.2 УК РФ [13, с. 151–154], с чем мы согласны.

Психическое насилие направлено на разрушение психики человека, оно более деструктивно, чем психологическое насилие, В свою очередь, психологическое насилие в большей степени направлено на подавление воли человека, чем на разрушение функций организма. Данные виды насилия выступают видовыми понятиями по отно-

шению к психологическому воздействию, насилие чаще всего противоправно и наносит вред здоровью человека.

Склонение спортсмена к использованию допинга можно признать формой психологического насилия, применяемого к нему. В целях финансового обогащения или иной личной заинтересованности тренеры, специалисты по спортивной медицине либо иные специалисты в области физической культуры и спорта могут воспользоваться данными видами психологического воздействия для достижения своих целей с помощью различного рода манипуляций.

Проведенное исследование категорий «воздействие», «склонение», «принуждение», «понуждение», «насилие» дает нам возможность провести сравнение с законодательной конструкцией «использование в отношении спортсмена независимо от его согласия» допинг — средств и сделать вывод: использование в отношении спортсмена независимо от его согласия запрещенных субстанций и (или) методов является видом криминального воздействия, включая насилие, психическое и (или) физическое (в зависимости от степени выражения воли спортсмена

и наступивших последствий). В ситуациях, рассмотренных нами в основной части статьи, действия виновного могут быть квалифицированы по ст. 230.1 УК РФ, по ч.1 или п. «в» ч.2 ст. 230.2 УК РФ. Применение вышеуказанных статей УК РФ не исключает совокупности со статьями, предусматривающими ответственность за посягательство на здоровье человека (ст.ст. 111, 112, 115 УК РФ).

«Victorum sunt, non judicatur» («победителей не судят») — данному постулату несколько тысяч лет [14, с. 133–138], но вряд ли его можно сегодня использовать, игнорируя правовой аспект проблемы. Лица, причастные к спортивным достижениям, в том числе к высшим, должны понимать: незаконное употребление субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, несет большое количество негативных последствий, создающих угрозу для жизни и здоровья соревнующегося, порождает неравенство и несправедливость по отношению к другим участникам состязаний. И злоупотребления в спортивной сфере должны преследоваться и наказываться, в том числе уголовно-правовыми средствами.

Литература:

1. Цветков П. В. Некоторые вопросы квалификации преступлений в области спорта и при проведении зрелищных коммерческих конкурсов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2018. № 2 (43). С. 322–325.
2. Кошаева Т. О. К вопросу об установлении уголовной ответственности за нарушения законодательства о допинге // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 97–105.
3. Алексеев И. Н. Понуждение, принуждение и насилие в уголовном праве // Уголовный процесс. 2006. № 1. С. 3–13.
4. Енгальчев В. Ф. Психологическое воздействие в правоохранительной деятельности // Прикладная юридическая психология. Под ред. проф. А. М. Столяренко. М.: Изд-во «ЮНИТИ». 2001. 639 с.
5. Кобзева Т. Ю. Категория «принуждение» в уголовном праве России // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2008. № 1. С. 276–288.
6. Шевелева С. В. Концепция свободы воли и принуждения в уголовном праве: монография // М.: Юрлитинформ, 2014. 248 с.
7. Сердюк Л. В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. / Под ред. Заслуженного деятеля науки РФ, докт. юрид. наук, профессора С. П. Щербы // М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2002. 384 с.
8. Калугин В. В. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве. Диссертация на соискание степени кандидата юридических наук / М. 2001. Цит. по: Холопова Е. Н. Судебно-психологическая экспертиза: монография // М.: Юрлитинформ, 2010. 416 с.
9. Холопова Е. Н. Использование судебно-психологической экспертизы как средства доказывания обстоятельств, исключающих преступность деяния // Российский следователь. 2005. № 11. С. 37–40.
10. Холопова Е. Н. Судебно-психологическая экспертиза: монография // М.: Юрлитинформ, 2010. 416 с.
11. Волков Е. Н. Критерии, признаки, определения и классификации вредящего психологического воздействия: психологическое травмирование, психологическая агрессия и психологическое насилие // Журн. практ. психолога. 2002. № 6. С. 183–199.
12. Кроз М. В., Ратинова Н. А., Онищенко О. Р. Криминальное психологическое воздействие. М.: Юрлитинформ, 2008. 200 с.
13. Хиневич К. И. Проблемы предупреждения склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (допинг) // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 151–154.
14. Самсоненко Т. А., Багдасарян С. Д., Петрова С. В., Сидорова А. В. Правовое регулирование борьбы с допингом на международном и национальном уровнях // Физическая культура, спорт — наука и практика. 2018. № 4. С. 133–138.

КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

Серийные убийства в истории уголовного правоприменения

Селивёрстова Александра Евгеньевна, студент магистратуры

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

В данной статье рассматриваются нормы уголовных кодексов, существующих в нашей стране в различные эпохи ее развития, где прописано наказание за совершение серий убийств. Также представлены примеры серийных убийств, дана характеристика преступников и избранная мера наказания за совершенные деяния.

Ключевые слова: *предумышленное убийство, советский уголовный кодекс, наказание, серийный убийца, российское законодательство, наказание, преступление.*

This article discusses the norms of the criminal codes that exist in our country in various epochs of its development, where the punishment for committing a series of murders is prescribed. Examples of serial killings are also presented, characteristics of criminals and a selected measure of punishment for committed acts are given.

Keywords: *premeditated murder, Soviet criminal code, punishment, serial killer, Russian law, punishment, crime.*

Актуальность данного исследования связана с тем, что ни одна из эпох не обошлась без появления серийного убийцы, которого не останавливал даже самый жесткий политический режим. Серийные убийцы даже в настоящее время вызывают у социума ужас и панику, ведь следующей жертвой может стать любой из них. В средние века серийных убийц считали одержимыми и сжигали на костре.

Впервые термин «серийный убийца» был введен в 1971 году агентом ФБР Робертом Ресли, который позже (в 1978 году) организовал в штабе отдел «поведенческих структур» [5].

Тема «серийных убийств» актуальна и в настоящее время. За последнюю четверть века в нашей стране значительно возросло количество серийных убийств. Только в период с 2005 по 2010 год было расследовано более 150 дел, где фигурировали серии убийств по 5 и более человек.

В правоприменительной практике раскрытие и расследование серийных убийств воспринимается в качестве многоаспектной задачи, для разрешения которой необходимо задействовать специалистов из различных областей. Именно поэтому в данном процессе участвуют не только сотрудники правоохранительных органов, но и психологи, психиатры, криминалисты. За счет совместных усилий представляется возможным получить ответы на вопросы — почему становятся серийными убийцами, определить основные особенности, характерные для серийных убийц и т. д., а также избрать меру пресечения.

Первый Уголовный кодекс РСФСР, принятый в 1922 г., широко дифференцировал ответственность за посягательства на жизнь человека. Если объектом преступления выступала только жизнь человека, то это преступление

признавалось убийством. В тех же случаях, когда наряду с жизнью преступление посягало и на другой объект, оно было отнесено в Уголовном кодексе к соответствующим главам. Умышленное убийство без отягчающих обстоятельств наказывалось лишением свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией. Уголовный кодекс РСФСР от 22 ноября 1926 г. оставил без существенного изменения ответственность за умышленное убийство. Были изменены лишь санкции — устанавливался высший предел наказания, а не низший, как это было в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. За умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах (ст. 136 УК) было предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет; за умышленное убийство без отягчающих обстоятельств (ст. 137 УК) — до 8 лет.

В 1960 году УК РСФСР претерпел серьезные изменения в своей структуре. Несмотря на то, что классификация преступлений против жизни была оставлена прежней, в то же время изменилась характеристика обстоятельств, которые могут отягощать предумышленное убийство. Так, в число обстоятельств, отягощающих преступление, вошли:

- Убийство женщины, находящейся в состоянии беременности, очевидной для злоумышленника;
- Убийство двух или более лиц;
- Убийство, совершенное рецидивистом [4, с. 167].

В УК РФ, принятом в 1996 году в статьях основной части четко выделены классификация видов преступлений, а также представлены основные типы посягательств.

Раздел «Преступление против личности» — это один из самых лаконичных, но емких разделов в современном

кодексе. В понятие «убийство» здесь попадает множество его разновидностей. Так, согласно ст. 105 УК РФ, убийство — это лишение жизни человека [1].

Анализ обстоятельств, которые могут отягощать умышленное убийство, показал, что УК РСФСР от 1960 года претерпел выраженные изменения, которые позволили усилить законодательную защиту жизни граждан.

Следует отметить, что ни в одном из рассмотренных уголовных кодексов отсутствует понятие «серийное убийство», что в свою очередь говорит об отсутствии определенной нормы за совершение данного рода преступлений, несмотря на их масштабный общественный резонанс и большую опасность для граждан. Фактически под серийными убийствами понимается тип преступлений, который указан в ч.2 ст. 105 УК РФ — п. «а» — убийство двух или более лиц, однако данный признак далеко не в полной мере характеризует все особенности серийных убийств [1].

Ученых-криминалистов, которые захотят написать объективную историю серийных убийств в бывшем СССР, ждет непростая задача. В стране, где и без того засекречивалось буквально все, правовая статистика находилась под особым контролем. К тому же во время одной из реорганизаций органов очередной министр приказал уничтожить ненужный «хлам» — толстые архивные тома с материалами о маньяках, которые опытные сыщики передавали молодым коллегам. Удивляться нечему. Согласно официальной идеологической установке, преступность как чуждое нашему обществу явление должна была исчезнуть сама собой. На одном из партийных форумов лидер государства Н. Хрущев даже назвал конкретный срок, когда будет пойман последний жулик. За развалом СССР последовало расчленение единой, десятилетиями отлаженной системы союзного МВД. Выбрасывались архивы, уничтожались за ненадобностью обширные досье, разделялись на эпизоды конкретные уголовные дела, рвались связи, помогавшие раскрытию преступлений и поиску убийц. Тем не менее, некоторые громкие дела, вопреки информационным запретам

и необдуманном решениям начальства, хорошо помнят не только сыщики, но и обычные граждане, не связанные с правовыми институтами государства.

Проанализировав подборку серийных убийств, совершенных в советский период, можно сделать вывод, что все серийные убийцы того времени были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. По мнению подавляющего числа населения, смертная казнь — наиболее приемлемое наказание для людей, совершивших убийство. Использование такого вида наказания отвечало принципу справедливости, соблюдение которого важно не только для родственников погибшего, но и для всего социума в целом.

Согласно действующему законодательству РФ, максимально возможным наказанием в настоящее время является пожизненное заключение по причине того, что на территории нашей страны действует мораторий на смертную казнь. Из этого следует, что к серийным убийцам хоть и будет применена наиболее строгая мера пресечения, однако это не исключает возможность их выхода на свободу по причине болезни (ст. 81 УК РФ), по причине давности обвинительного приговора (ст. 83 УК РФ), согласно акту об амнистии (ст. 84 УК РФ), либо согласно акту о помиловании (ст. 85 УК РФ) [1].

Цель исправления законодатель к ним относит лишь формально. Индивидуально-воспитательная работа (построена на проведении радиолекций) и применение других средств исправления к осужденным существенно ограничено в силу специфики их содержания. Морально-психологическая сторона личности осужденного остается закрытой для сотрудников исправительных учреждений, поэтому освобождение будет проводиться по формальным признакам (основной признак — последние три года не иметь нарушений режима содержания). Таким образом, допуская к досрочному освобождению всех осужденных пожизненно, фактически законодатель допускает, что после освобождения они вновь будут совершать преступления повышенной степени общественной опасности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016).
2. Карпов А. В. О проблеме определения понятия «Объект преступления» в уголовном праве России // Science Time. — 2015. — № 2 (14). — С. 84–100.
3. Кольцов М. И. Серийные убийства в истории советского и российского правоприменения // Вестник Тамбовского университета. — № 1. — 2013. — С. 325–330.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). Исправлен, дополнен, переработан / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Чучаева. — М.: «КОНТРАКТ», 2019. — 432 с.
5. Мальцев В. В. Квалификация общественно опасных деяний по приговору суда // Российский судья. — 2014. — № 4. — С. 13–24.
6. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В. А. Блинников, А. В. Бриллиантов, О. А. Вагин и др.; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд., переработанное и дополненное. — М.: Проспект, 2015 — С 35–90.
7. Уголовное право Российской Федерации: особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. — М., 2019.

Судебная баллистика: задачи, объект и предмет исследования

Ушаков Степан Иванович, студент магистратуры
Российская таможенная академия (г. Люберцы, Московская обл.)

Статья посвящена такому разделу криминалистического оружиеведения, как судебная баллистика. Автором рассматриваются понятие, место в системе других наук, основные задачи, система, объект и предмет исследования данной отрасли криминалистической техники.

Ключевые слова: криминалистика, баллистика, следователь, экспертиза, криминалистическая техника

Традиционно в криминалистике под судебной баллистикой (от греч. «балью» — «бросаю») принято понимать отрасль криминалистической техники, изучающая боеприпасы и закономерности выстрела, а также разрабатывающая средства и приемы собирания и исследования этих объектов в качестве вещественных доказательств при расследовании и предупреждении преступлений [1, с. 427].

На сегодняшний день в науке криминалистике не сложилось единого подхода к пониманию места судебной баллистики в системе криминалистических знаний. Существует множество различных точек зрения по данной проблеме. Разберем наиболее популярные из них.

Некоторые ученые, например, считают, что судебная баллистика является разделом криминалистического оружиеведения, представляющим собой систему научных положений, а также соответствующих им технических средств и методов обнаружения, фиксации, изъятия и исследования огнестрельного оружия и патронов к нему, следов их применения и иных объектов, важных для расследования и раскрытия преступлений. Другие, придерживаются мнения, что судебная баллистика является отдельной отраслью криминалистической техники, которая изучает и разрабатывает научно-технические средства и приемы обнаружения, фиксации, изъятия и исследования огнестрельного оружия, боеприпасов и следов их действия для установления обстоятельств расследуемых преступлений. Нам кажется, что наиболее правильной будет именно первая точка зрения.

Если говорить о предмете судебной баллистики, то принято считать, что им являются свойства и признаки огнестрельного оружия, следов выстрела и боеприпасов, которые позволяют выяснить совокупность существенных обстоятельств расследуемого преступления.

Существует ряд задач, которые ставятся перед судебной баллистикой:

1. Идентификационные задачи, которые заключаются в установлении тождества и (или) групповой принадлежности объекта (идентификацию оружия и боеприпасов по следам на стреляных снарядах, гильзах и т. д.);

2. Диагностические задачи, подразумевающие установление свойств исследуемого объекта (определение состояния оружия, его возможность к осуществлению выстрела, определение пригодности отдельных патронов для производства выстрела из конкретного оружия и т. д.);

3. Ситуационные задачи, заключающиеся в установление обстоятельств применения оружия (дистанция вы-

стрела, количество и последовательность выстрелов, местонахождение стреляющего и т. д.);

4. Реконструкционные задачи по выявлению уничтоженных на оружии частных идентификационных признаков (номера, оружейные клейма и т. д.) [1, с. 429].

В криминалистической баллистике выделяют общую и особенную части. Общая часть включает в себя понятие предмета и объектов науки, ее задачи, приемы и методы, средства, применяемые для решения этих задач, вопросы взаимодействия с другими отраслями криминалистической техники и другими судебно-экспертными дисциплинами. Так, для проведения баллистических исследований необходимо применять данные химии, физики, математики. Важное значение имеют и знания судебной медицины. Из криминалистических знаний наиболее важны для судебной баллистики данные трасологии, теории криминалистической идентификации, судебной фотографии [1, с. 430].

Расследование преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия, не может быть успешно проведено без использования специальных познаний. При первом осмотре места происшествия перед субъектом, производящим предварительное расследование, возникает ряд обстоятельств, которые можно уяснить только при применении специальных знаний и навыков в обнаружении, фиксации, изъятии и исследовании соответствующих объектов. Само по себе отнесение отдельных обнаруженных предметов к разряду огнестрельного оружия или боеприпасов уже вызывает трудности и должно быть подкреплено заключением эксперта, которого просто необходимо привлекать в расследовании дел, где необходима баллистическая экспертиза.

На данный момент в особенной части криминалистической баллистики нет единого мнения о том, что именно стоит относить к объектам ее изучения. Наиболее распространенной является представленная ниже классификация [2, с. 219].

Конечно, в первую очередь, сюда необходимо относить оружие и его отдельные части. Оружие является основным объектом судебной баллистики, которому посвящается большое количество исследований. Под ним принято понимать оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда. Хотя, безусловно, в науке существуют и иные определения, и все они исходят, прежде всего, из того, какой механизм действия применяется в данном виде оружия.

Обычно в науке криминалистике выделяют три критерия, на основании которых тот или иной исследуемый объект может быть отнесен к огнестрельному оружию:

1. оружейность — предназначение оружия для нападения и поражения цели путем ее уничтожения либо повреждения, обладание достаточной поражающей способностью;

2. огнестрельность — способность оружия сообщать снаряду кинетическую энергию посредством химического разложения пороха и выделения газов, в результате чего создается высокое давление;

3. надежность — способность безопасного для стреляющего многократного применения оружия.

Некоторые ученые под специфическим признаком выделяют еще и конструкцию огнестрельного оружия, ведь оружейность, как общий признак огнестрельного оружия, обуславливает его определенные конструктивные признаки.

Вторым, немаловажным, объектом судебной баллистики ученые обычно называют боеприпасы к огнестрельному оружию (сюда относятся и их составляющие — пули, гильзы, дробь и т. д.). В науке под ними принято понимать предметы вооружения и метаемое снаряжение, предназначенные для поражения цели и содержащие вышибной, метательный, пиротехнический или разрывной заряды либо их сочетание.

Также объектом судебной баллистики можно назвать следы применения огнестрельного оружия, под которыми понимаются совокупность видоизменений посредством сопровождающего выстрел термического, химического и механического воздействия на любых предметах (включая тело человека).

К объектам судебной баллистики можно отнести инструменты и средства, применяемые для изготовления

снарядов и их снаряжения, а также непосредственно заготовки деталей оружия.

Немаловажным объектом изучения в судебной баллистике называются предметы со следами хранения оружия — объекты, содержащие механические, физические и (или) термические следы, образовавшиеся при непосредственном контакте с огнестрельным оружием.

Неоднозначным объектом, не отвечающим критерию надежности, являются стреляющие объекты бытового назначения и разового действия. Это объекты, которые используются в качестве оружия и признаются таковыми по результату судебно-баллистической экспертизы, механизм действия которых аналогичен либо схож с механизмом выстрела. При этом оружием в соответствии с законом не будут являться конструктивно схожие с ним производственные и хозяйственно-бытовые изделия, которые сертифицированы и не содержат в своем составе основных частей огнестрельного оружия. В науке превалирует мнение, что оружие должно быть рассчитано на неоднократное применение, то есть быть способно, производить более одного выстрела, в связи, с чем данный объект судебной баллистики является спорным и выделяется не всеми авторами.

Важным объектом, помимо вещественных доказательств, является сама обстановка места происшествия. Ведь очень важно точно определить, например, дистанцию выстрела или местонахождения стрелявшего.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что судебная баллистика имеет очень важное значение, ведь криминалистическое исследование оружия, боеприпасов и следов их применения играет очень большую роль в расследовании, раскрытии и предупреждении преступлений, чем в том числе оказывает активное содействие в законном осуществлении правосудия.

Литература:

1. Криминалистика: учебник для бакалавров / под ред. Л. В. Бертовского. — Москва: РГ-Пресс, 2018. — 960 с.
2. Белкин Р. С. Курс криминалистики: Учебное пособие для вузов. — 3-е изд., дополненное. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001–460 с.

Предъявление для опознания живых лиц в системе криминалистической тактики

Ушаков Степан Иванович, студент магистратуры

Российская таможенная академия (г. Люберцы, Московская обл.)

В данной работе автор раскрывает понятие такого следственного действия, как предъявление для опознания живых лиц, а также рассматривает некоторые тактические особенности его проведения.

Ключевые слова: следственное действие, опознание, признак, опознание живых лиц

Предъявление для опознания живых лиц является наиболее распространенной разновидностью данного следственного действия. В науке криминалистике

под ним принято понимать следственное действие, состоящее в предъявлении опознающему живых лиц для их идентификации, сравнения с ранее восприни-

маемым им лицом. Идентификация представляет собой сопоставление одного лица с другим на основании их сходных и отличительных признаков [3, с. 671].

Объектами для опознания выступают обычно подозреваемые, обвиняемые, режиссеры потерпевшие и свидетели. Данные лица могут быть опознаны по признакам внешности, по функциональным признакам, а также, возможно, опознание лица по фотоснимкам.

Для правильного и эффективного проведения опознания, следовательно необходимо обладать знаниями психологии, так как в основе процедуры предъявления лежит именно психологический элемент, который связан с воспоминаниями об объекте.

С точки зрения психологии, предъявление для опознания живых лиц состоит из двух стадий:

1. Стадия усвоения информации, которая, непосредственно, связана с тем, как лицо воспринимает объект, какие признаки заложены у него в памяти о данном объекте;

2. Стадия распознавания, выражающаяся в том, что лицо вспоминает данные обстоятельства об объекте и анализирует результаты соотношения данного объекта в настоящее время и мысленного образа, который сложился в памяти ранее [2, с. 89].

Способами опознания живых лиц являются:

1. Опознание по голосу.

2. Внешние признаки: фотография, наколки, рост, вес, цвет глаз.

3. Особенные признаки: походка, жестикация, привычки.

По всем вышеперечисленным признакам возможна и идентификация лица при проведении экспертиз. Однако, предъявление лица для опознания нельзя отождествлять с идентификационными экспертизами. Отличие заключается в том, что в ходе опознания человек опирается только на чувственные органы и ресурсы своего мозга. Например, при опознании по голосу свидетель использует свой слух, и отождествляет услышанное с тем, что сохранилось у него в памяти. При фоноскопической экспертизе эксперт использует технические средства, которые позволяют ему сравнивать звуковые дорожки. Однако, свидетель не может с точностью воспроизвести голос опознаваемого лица, именно поэтому опознания здесь является гораздо более эффективным следственным действием [3, с. 134].

Чтобы правильно и эффективно провести опознание, следовательно проводится предварительный допрос потенциального опознающего. Это имеет очень большое значение. Тактика его проведения напрямую зависит от характера первичной информации об интересующем следствии объекте, который впоследствии может быть предъявлен для опознания допрашиваемому лицу. Главной задачей здесь является помощь допрашиваемому в припоминании обстоятельств события и описании примет лица, которое ранее было им воспринято. До проведения опознания требуется подробно допросить лицо о том, какими приметами обладал опознаваемый.

Вопросы следует задавать с учетом требований к описанию словесного портрета [4, с. 97]. В частности, ответить на вопросы относительно возраста, строения лица, роста, веса, телосложения опознаваемого субъекта, цвета его глаз, цвета и длины волос, наличие иных идентифицирующих признаков, а также отличия его походки, особенности его привычек, например, курит ли он.

Проводя допрос, следует учесть, что особенностью нашего мозга является тот факт, что мы не можем дать детальное описание человека, но увидев его — узнаем. Это связано с особенностью запоминания и узнавания живых лиц. Мы распознаем определенные части лицевой структуры и используем их, чтобы отделить известное от неизвестного. Именно поэтому, даже, если лицо не может уверенно описать все черты, не стоит пренебрегать предъявлением для опознания.

В некоторых ситуациях, определяющими факторами могут стать внешние особенные признаки, такие как сторбленность, сутулость, хромота, шаткая или неровная, прыгающая походка. Поэтому следует показать допрашиваемому различные варианты движущихся людей, способных ему напомнить о фактическом человеке.

Зачастую допрашиваемый не знает, как описать запомнившиеся ему черты человека. Именно поэтому при демонстрации ему различных вариантов типа лица, можно получить более развернутое описание субъекта.

При проведении допроса, в обязательном порядке, необходимо выяснить, не было ли у допрашиваемого травм головы, не состоит ли он на учете в психоневрологическом диспансере, не было ли у него инсультов. Это делается, поскольку некоторые повреждения головного мозга, как и психические заболевания, уменьшают способность распознавать лица [5, с. 56].

Обязательно нужно учитывать, что под влиянием сильного волнения от пережитого, допрашиваемый может немного преувеличивать внешние признаки лица или внешности опознаваемого, что будет сильно мешать при опознании. Однако, ни в коем случае нельзя демонстрировать фотографию предполагаемого преступника, т. к. иначе проведение опознания будет невозможным.

После того, как допрос был проведен, следует проводить само предъявление для опознания. Для фиксации опознания живого лица необходимо присутствие двух понятых, которые предварительно не контактировали с обоими лицами и не заинтересованы в исходе решаемого вопроса.

Для опознания опознаваемый предъявляется с двумя статистами, которые должны быть похожи внешне. Зачастую, человек выглядит гораздо старше или младше своих лет, в такой ситуации стоит проводить видеосъемку предъявления для опознания, чтобы при проверке допустимости данного следственного действия, было очевидно, что статисты похожи, даже, если они старше или моложе опознаваемого [4, с. 99]. Если же

по какой-то причине видеосъемка невозможна, стоит по окончании следственного действия допросить понятых, которые подтвердят, что статисты были схожи, с обязательным занесением этого в протокол следственного действия.

Помимо этого, желательно, чтобы опознаваемое лицо было одето в одежду, похожую к той в которой его наблюдал опознающий, необходимо чтобы одежда, обувь или головной убор были идентичными по цвету, фасону, степени износа и размеру. Если же это невозможно, то одежда должна не выделяться среди статистов.

Стоит полностью исключить контакт опознаваемого и допрашиваемого до опознания, для этого указанные лица вызываются порознь. Очень важно быть готовым к тому, что лицо будет испытывать некоторые затруднения при опознании или сомневаться, тогда необходимо помочь ему: задать опознаваемым какой-либо вопрос.

Когда свидетель или потерпевший указал на опознаваемого, как на лицо, совершившее преступление, его спрашивают, по каким признакам он опознал, данные заносятся в протокол. В протоколе нельзя писать: «опознал по чертам лица», поскольку эта фраза не указывает на идентификационные признаки.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что предъявление для опознания живых лиц, является одним из важнейших следственных действий. Для его правильного производства следователь должен обладать не только фундаментальными знаниями криминалистики и уголовного процесса, но также и психологии. Знания в данных областях будут являться залогом не только, быстрого и эффективного проведения различных следственных действий, включая опознание и допрос, но и будут способствовать более грамотному расследованию преступлений.

Литература:

1. Криминалистика: учебник для бакалавров / под ред. Л. В. Бертовского. — Москва: РГ-Пресс, 2018. — 960 с.
2. Смирнова, О.А. Предъявление для опознания в судебном следствии / О.А. Смирнова // Уголовный процесс — 2006— № 8. — 139 с.
3. Иванов, А. Н. Процессуальные и тактические проблемы предъявления для опознания в суде / А. Н. Иванов // Известия Саратовского Университета. — 2009. — Т. 9, Серия Экономика. Управление. Право. Выпуск 1. — 177 с.
4. Степанов В. В. Михайлова Ю. Н. Научные и правовые основы тактики предъявления для опознания при расследовании преступлений. Саратов, 2003. 238 с.
5. Булгаков В. Г. Основы криминалистического исследования динамических признаков человека: монография / под ред. проф. А. М. Зинина. М.: Юрлитинформ, 2009. 123 с.

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 5 (19) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 05.06.2020. Дата выхода в свет: 10.06.2020.

Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.